

ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ (РПА МИНЮСТА РОССИИ)
Сочинский филиал

А. Н. РАТЬКОВ • Л. А. КОЖЕВНИКОВ

СОВРЕМЕННОЕ ДОЗНАНИЕ КАК ФОРМА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Проблемные вопросы по отдельным темам курса
«Уголовно-процессуальное право»

Сочи — 2019

УДК 343.13
ББК 67.629
Р 25

А в т о р ы :

А. Н. РАТЬКОВ,
*главный научный сотрудник отдела научных исследований
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент*

Л. Л. КОЖЕВНИКОВ,
*декан юридического факультета
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент*

Р е ц е н з е н т ы :

В. Г. СТАЦЕНКО,
*декан факультета повышения квалификации Ростовского филиала
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ,
Почетный сотрудник Следственного комитета РФ,
полковник юстиции, кандидат юридических наук, доцент;*

С. А. САВЕЛЬЕВА,
*начальник отдела дознания Сочинского линейного управления
МВД России на транспорте, подполковник полиции*

**Р 25 Ратьков А. Н., Кожевников Л. Л. СОВРЕМЕННОЕ ДОЗНАНИЕ КАК
ФОРМА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ. Проблемные
вопросы по отдельным темам курса «Уголовно-процессуальное
право»:** Учебное пособие / Серия «В помощь студенту». — Сочи: СФ
РГУЮ (РПА Минюста), 2019. — 143 с.

Настоящее учебное пособие предназначено для студентов юридических факультетов высших учебных заведений, стремящихся качественно усвоить основные институты фундаментальной учебной дисциплины «Уголовно-процессуальное право». Пособие посвящено институту предварительного расследования, осуществляемого в форме дознания, и направлено на закрепление знаний об основаниях, условиях и некоторых особенностях расследования уголовных дел, как в форме общего, так и сокращенного дознания.

Содержащиеся в пособии материалы по истории становления в России дознания как формы расследования преступлений, освещение проблемных вопросов производства современного дознания могут представлять интерес для широкого круга специалистов в области уголовного судопроизводства.

© Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста), 2019
© Ратьков А. Н., Кожевников Л. Л., 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. История становления и развития дознания в России. Эволюция взглядов на его сущность	7
§1. Зарождение дознания в России и его первоначальная сущность	7
§2. Дознание на пути от реформы 1864 года к УПК РСФСР 1960 года	30
§3. Сущность и проблемы дознания по УПК РСФСР 1960 года	48
ГЛАВА II. Дознание по действующему УПК РФ и отдельные проблемы его осуществления	70
§1. Метаморфозы дознания по действующему УПК Российской Федерации	70
§2. Основания, условия и некоторые проблемы производства дознания в сокращенной форме	97
§3. Некоторые проблемы выполнения органами дознания неотложных следственных действий	115
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	131
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	135

Введение

С целью повышения эффективности российского судопроизводства¹ еще в октябре 1991 года была принята Концепция судебной реформы в РСФСР, в которой одной из главных задач определялась задача дифференциации форм судопроизводства². С тех пор полемика вокруг организации производства по уголовным делам на досудебных стадиях уголовного процесса не утихает. Актуальность этого вида деятельности подтверждается и законодателем, который на протяжении длительного времени корректирует процессуальный порядок предварительного расследования преступлений. Изобретена отличная от ранее известных форма дознания, которая со временем приобрела внутри себя еще один ранее неизвестный способ расследования преступлений — дознание в сокращенной форме. Меняется порядок действий на предшествующем предварительному расследованию этапе проверки сообщений о происшествии. Появляются новые участники уголовного судопроизводства со своим процессуальным статусом, реализуемым в ходе досудебной деятельности. То есть можно говорить о том, что поиск эффективной формы досудебного производства продолжается.

¹ При этом с подачи современного законодателя под судопроизводством в приведенном тексте понимается как досудебное производство, так и производство в суде, что закреплено в п. 56 ст. 5 УПК РФ.

² См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. — М.: Республика, 1992. — С. 108–109.

При этом немаловажно заметить, что основной расследования преступлений вне зависимости от предусматриваемой законом формы, главным юридическим средством расследования является уголовно-процессуальная деятельность, посредством которой реализуется правоприменительная функция. В уголовно-процессуальной деятельности зачастую реализуется итог целого комплекса обеспечивающих процедуру расследования видов работы: оперативной, криминалистической, информационной, административной. В этом виде деятельности находит свое воплощение помощь специалистов, общественности, отдельных граждан.

Процесс расследования преступлений, помимо производства и оформления всевозможных следственных и иных процессуальных действий, как минимум, предполагает также:

- принятие организационно-распорядительных и тактических решений в различных следственных ситуациях;
- обеспечение исполнения этих решений посредством привлечения необходимых сил и средств, координации их деятельности;
- самостоятельную работу по подготовке организационных документов и других деловых бумаг на различных этапах раскрытия и расследования преступлений.

Организация и управление всеми указанными видами деятельности возлагается на лиц, уполномоченных расследовать уголовные дела. Складывающаяся ситуация в сфере досудебного производства призывает к анализу закреплённого порядка его осуществления, сравнению применяющейся процедуры расследования с исторически известными способами организации этой деятельности, исследованию уже проверенных практикой форм производства по уголовным делам в нашем недалеком прошлом. Цель такого исследования — отыскание наиболее эффективного варианта организации предварительного расследования, процессуальный режим которого оказался бы способным противостоять натиску преступности и предоставил возможность

справиться с валом преступлений, требующих качественно-го расследования.

Правоохранительные органы, наделяемые законом правом расследования преступлений, представляют собой реальные объекты возможного приложения сил нынешними студентами. Следовательно, успешное решение разнообразных задач, возникающих в процессе расследования уголовных дел, зависит от умения правоприменителя комплексно использовать весь свой теоретический багаж. Добиться такой комплексности в ходе преподавания отраслевых базовых дисциплин при постоянной тенденции снижения объема аудиторных часов довольно-таки трудно, даже в условиях учета межпредметных связей, так как их изучение в целом происходит сугубо в рамках собственных предметов. Помочь правильному и своевременному, комплексному применению знаний об уголовно-процессуальной и сопутствующей ей деятельности может специальная литература по отдельным наиболее важным и практически востребованным темам уголовного процесса. С учетом того, что в настоящее время в числе регистрируемых преступлений опережающими темпами растет количество преступлений, по которым предварительное следствие необязательно, а, следовательно, расследуемых органами дознания в заданной законом форме — форме дознания в общем порядке или в сокращенной форме дознания, возрастает и роль дознания как одной из форм предварительного расследования. На основании сказанного избранную тему учебного пособия как раз — так и следует считать наиболее важной и практически востребованной темой уголовного процесса.

Данная работа представляет собой скромную попытку обосновать свое видение места дознания в системе построения досудебного производства по уголовным делам, помочь студенту освоить существующую процедуру расследования преступлений в форме дознания, укрепить знания в сфере этой важной деятельности, чтобы уметь в последующем успешно применять их на практике.

Глава I

История становления и развития дознания в России. Эволюция взглядов на его сущность

§1. ЗАРОЖДЕНИЕ ДОЗНАНИЯ В РОССИИ И ЕГО ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ

Тот, у кого ключ к прошлому, владеет будущим

Недавние работы по истории следственного аппарата России¹ стали основой для учреждения Дня сотрудника органов следствия Российской Федерации², который теперь отмечается 25 июля каждого года. Именно данная дата выбрана в связи с тем, что в этот день в 1713 году Петром I был издан именной Указ «О создании следственной канцелярии гвардии майора М. И. Волконского», которая впоследствии стала называться «майорской» следственной канцелярией. По утверждению Д. О. Серова эта канцелярия

¹ Серов Д. О. Гвардейцы-криминалисты Петра I: Из истории организации и деятельности «майорских» следственных канцелярий (1713–1723 гг.) // Ораниенбаумские чтения: Сб. научн. ст. и публ. — СПб., 2001. — Вып. 1; Монахов А. А., Серов Д. О. У истоков следственного аппарата России // Материалы Международной научно-практической конференции: Сб. научн. ст. и публ. — М., 2013. — Ч. 1. — С. 286–291; Серов Д. О., Монахов А. А. Зарождение следственного аппарата России (1713–1717 гг.) // Вестник Следственного комитета РФ. — 2013. — №4; Цветков Ю. А. Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России // История государства и права. — 2015. — №3. — С. 33–38.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 27 августа 2013 г. №741 «О дне сотрудника органов следствия Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

явилась первым государственным органом России, наделенным полномочиями по проведению предварительного следствия¹. «Майорские» следственные канцелярии подчинялись непосредственно Петру I и разбирали дела о наиболее опасных коррупционных деяниях. К их числу относились деяния, посягающие на основы государственности: взяточничество, казнокрадство, служебные подлоги, мошенничество. Таким образом, получается, что следственному аппарату России уже более 300 лет. Хотя мало кто станет возражать по поводу того, что более или менее похожая на современную система органов предварительного расследования сложилась к середине XIX века, и связана она с реформами 1860-х годов.

Например, К. Ф. Гуценко и М. А. Ковалев пишут: «...система органов расследования в основном сложилась в середине XIX века, а ее законодательное закрепление связано с реформами 60-х годов»². Не отрицая данный вывод, обратим внимание на то, что признаки деятельности, которая и сегодня характеризует дознание — один из видов расследования, можно обнаружить несколько раньше. Вспомним, что до законодательных реформ 60-х годов XIX века судопроизводство осуществлялось по Своду законов Российской империи 1832 года, вдохновителем которого был М. М. Сперанский. Свод законов заменил собою как Уложение царя Алексея Михайловича, так и все последующее некодифицированное законодательство. Законы, относившиеся к различным отраслям государственного управления, были выделены в особые тома Свода. Его том 15 носил наименование «Свод законов уголовных» и разделялся на две книги. Книга 1 содержала законы «О преступлениях и наказаниях вообще», а книга 2 состояла из законов «О судопроизводстве по преступлениям». Согласно предписаниям

¹ Серов Д. О. Гвардейцы-криминалисты Петра I: Из истории организации и деятельности «майорских» следственных канцелярий (1713–1723 гг.) // Ораниенбаумские чтения: Сб. научных статей и публикаций. СПб., 2001. — Вып. 1. — С. 207.

² Гуценко К. Ф., Ковалев М. А. Правоохранительные органы. Учебник для юридических вузов и факультетов. — М.: Зерцало, 1997. — С. 307.

второй книги судопроизводство по уголовным делам делилось на три части: следствие, суд и исполнение наказания. Следствие, в свою очередь, распадалось на предварительное и формальное. Основным субъектом закрепляемого производства по уголовным делам можно было считать полицию, т. к. в ее руках находились следствие и исполнение приговора, а также суд по маловажным делам. Несмотря на то, что этот первый кодифицированный источник российского законодательства не оперирует таким понятием, как дознание, его признаки мы обнаруживаем в содержании одного из видов деятельности полиции, которую Свод законов называет следствием.

Обратимся к наследию исследователей права того периода. Русский теоретик розыскного процесса Я. И. Баршев задачей первого этапа производства по уголовным делам — предварительного следствия — считал необходимость установить, действительно ли имело место происшествие, заключающее в себе признаки преступления, и привести в известность все обстоятельства, указывающие на такое деяние¹.

Он же давал такое определение второму этапу следствия — формальному следствию, которое «есть объем всех действий следователя, которые направляются против известного лица, поставленного в состояние обвинения по причине известного преступления, чтобы иметь возможность окончательно решить, действительно ли и в каком виде и степени учинило оно рассматриваемое преступление и достойно ли оно наказания»².

От следствия в целом согласно Своду требовались ясность и полнота, чтобы «судебное следствие не могло встретить ни малейшего затруднения или сомнения для постановления по делу приговора»³.

¹ Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства. СПб., 1841. — С. 111. (*Цит. по:* Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. — СПб.: Равена, Альфа, 1995. — С. 737).

² Чельцов-Бебутов М. А. Указ. раб. — С. 737.

³ Там же.

С высоты сегодняшнего дня в предварительном следствии, которое как мы видели, отличается от формального следствия, без особого труда угадываются задатки того, что впоследствии будет названо дознанием. Пока же Свод законов Российской империи все досудебное производство именует следствием и полностью отдает его в руки полиции. «Полиция, — свидетельствуют уже современные исследователи, — частично осуществляла судебную деятельность и пользовалась судебной властью. Ее обширные права по предварительному следствию (производить обыски, выемки, аресты) приводили к тому, что иногда предварительное следствие называлось дознанием»¹.

В то же время, нельзя сводить описываемую деятельность только к компетенции полиции. Как свидетельствуют исторические источники, круг лиц и органов, производивших следствие, был весьма широк. Следствие могли производить нижние земские суды, управы благочиния и различные присутствия, состоящие из полицмейстеров, частных приставов и следственных приставов гражданских и уголовных дел. В важнейших случаях оно поручалось особым чиновникам, командированным или местным губернским начальством, или министром внутренних дел, или, наконец, целыми комитетами, составленными из чинов различных ведомств, в которых главную роль играли офицеры корпуса жандармов. По делам об убийстве помещика его крепостными следствие законом было возложено на губернского предводителя дворянства совместно с жандармским штаб-офицером. В отдельных случаях представители верховной власти возлагали следствие на специально избранных ими лиц².

М. А. Чельцов-Бебутов в одной из своих фундаментальных работ со ссылкой на «Историю Правительствующего Сената» приводит по этому поводу следующий интересный факт. «Почти анекдотически выглядит такое поручение, данное Алексан-

¹ См.: Седова Г. И., Степанов В. В. Дознание: функции и организация деятельности: Учебное пособие. — М.: Приор-издат, 2003. — С. 4.

² Чельцов-Бебутов М. А. Указ. раб. — С. 736.

дром I в указе Петербургскому военному губернатору. «По известному вам грабежу между ямами (почтами) Померанским и Чудовым большою партией разбойников денег и вещей на знатную сумму от купца Солодовникова с товарищи, из С. Петербурга в Москву отправленных, я повелеваю вам объявить мою волю Петербургскому и Новгородскому гражданским губернаторам, дабы они, ныне же выехав каждый из своего местопребывания в одно место на границу, разделяющую обе губернии, до тех пор там оставались, доколе под личным их присутствием не будут найдены все похищенные деньги и открыты настоящие в том преступники»¹.

Тем не менее, каким бы разнообразным не казался состав субъектов, осуществлявших досудебное производство, на первой, самой ранней его стадии — предварительном следствии — они могли только:

1. Установить действительно ли имело место происшествие.
2. Определить содержит ли это происшествие признаки преступления.
3. Привести в известность (собрать и закрепить) все обстоятельства, указывающие на такое деяние.

«На практике дознание, — отмечают применительно к данному периоду времени Г. И. Седова и В. В. Степанов, — фактически функционировало как особый вид производства, отдельное от следствия. Под ним подразумевалось собирание сведений о преступлении или о виновности известного лица... Дознаватели определяли правильность действий должностных лиц. Цель проводимого дознания состояла в проверке обоснованности поступившей жалобы, и результат дознания сводился к разрешению вопроса о необходимости проводить формальное следствие или отказать в удовлетворении жалобы. Дознание проводилось секретно. Но определенного понятия дознания не было ни в Законе, ни на практике. Оно смешивалось со следствием»².

¹ Там же.

² Седова Г. И., Степанов В. В. Указ. раб. — С. 4–5.

Однако, как представляется, именно в перечисленных полномочиях и заключается содержание той деятельности, которая спустя некоторое время официально получит название «дознание».

А это время не заставило себя долго ждать. 8 июня 1860 года был издан Указ Александра II «Об отделении следственной части от полиции». Данный именной Императорский Указ устанавливал:

1) отделить следственную часть от полиции во всех управляемых по общему учреждению 44-х губерниях Империи и назначить в сии губернии особых подведомственных министерству юстиции чиновников, для производства следствий по преступлениям и проступкам, подлежащих ведению судебных мест, наименовав сих чиновников судебными следователями;

2) на обязанности полиции оставить только исследование по преступлениям и проступкам маловажным, кои предоставлены к разбору и суждению самих полицейских властей, а также первоначальное дознание о происшествиях, кои могут по связи с преступлением более важным, подлежать рассмотрению судебных мест¹.

Более подробные разъяснения закреплялись в законодательных актах, которые к Указу прилагались: «Учреждение судебных следователей», «Наказ судебным следователям» и «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок». В Наказе о производстве дознания давался перечень оснований для начала дознания и закреплялись основные обязанности полиции как органа дознания. В самом общем виде эти обязанности заключались в выполнении тех действий, которые по Своду законов составляли суть первого этапа (стадии) следствия — предварительного следствия. А вот то, что было по Своду целью формального следствия (второго этапа досудебного производства) стало смыслом деятельности вновь образованного субъекта — судебных следователей.

¹ Полное собрание Законов Российской Империи. Издание второе. — Т. 52. — № 35799. — СПб., 1864.

Регулируя правовые отношения следователя и полиции, разграничивая их полномочия, «Учреждение судебных следователей» в ст. 9 закрепляло, что дознание заключается в осуществлении «первоначального раскрытия и изыскания тех существенных обстоятельств, которые могут вести к заключению, что в исследуемом происшествии заключаются преступление или проступок», а все остальные действия, состоящие в том, чтобы «изыскать, получить и сохранить все те сведения и доказательства, которые нужны суду для произнесения правильного приговора о преступлениях и проступках и о лицах, обвиняемых в совершении преступления или проступка, подлежащих ведению судебных мест», составляют компетенцию судебных следователей¹.

Таким образом, если до 1860 года все следствие или, другими словами, все досудебное производство носило административный характер и могло полностью проводиться негласно, то после названного Указа происходит разделение досудебного производства на деятельность административную и процессуальную². Административная часть предварительного расследования преступлений становится обязанностью полиции и получает самостоятельное название — дознание³, а последующее расследование приобретает открытую, а не тайную, процессуальную форму и вменяется в обязанность суду, при

¹ Полное собрание Законов Российской Империи. Издание второе. — Т. 52. — №35891. — СПб., 1864.

² Свидетельством тому, что по Своду законов следствие, как правило, проводилось негласными методами, можно считать еще одну характеристику описываемого производства, которую приводит Н. Н. Розин в своей работе «Уголовное судопроизводство», изданной в Петрограде в 1916 году. Он пишет: «Производство следствий (до 1860 г.) по общему правилу сосредотачивалось в руках городской и земской полиции... Следствие разделялось на предварительное и формальное и производилось втайне» (См.: Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие / Автор-сост. проф. Э. Ф. Куцова. — М.: Городец, 1999. — С. 32).

³ В этой связи нельзя согласиться с А. С. Есиной, которая пишет, что «Впервые термин «дознание» был употреблен в Судебных уставах уголовного судопроизводства 1864 г. ...» (См.: Есина С. Дознание. — М.: Экзамен, 2005. — С. 5).

котором специально создается аппарат следователей, призванных производить после дознания полиции следствие по установленным ими фактам преступлений.

Хотя, как свидетельствуют М. Г. Коротких и Ю. В. Сорокина, это могло произойти и раньше. Еще в 1837 г. П отделением Собственной Его Императорского величества канцелярии совместно с министерством юстиции был разработан Проект о следствии, в соответствии с которым планировалось изъятие предварительного следствия из ведения полиции¹. «Необходимо отметить, — добавляет В. Д. Дармаева, — что в последующем были разработаны несколько проектов, в которых принимали участие лучшие юристы того времени (М. М. Сперанский, М. А. Балучьянский, Д. Н. Блудов и др.)... Так, по проекту Д. Н. Блудова, участие полиции ограничивалось производством первоначального дознания о преступлениях и проступках, а также содействием следователю в производстве осмотров, обысков, охране найденных следов преступления»². Но, так или иначе, случилось планируемое разделение досудебного производства на дознание и следствие только в 1860 году, после чего эти два вида предварительного расследования пошли своим путем.

Реформа 1860 года имела значение для преобразования не только уголовного судопроизводства, но и всей политико-правовой системы российского общества, а также для развития юридической науки в целом. Выделяя лишь уголовно-процессуальный аспект этих преобразований, сошлемся на выводы В. М. Лукина, который в своем диссертационном исследовании указывает на следующие значимые результаты реформы:

1. Отделение следствия от полиции соответствовало самым передовым в то время взглядам на природу уголовного процесса, которые в основном разделяются и в современной науке.

¹ Коротких М. Г., Сорокина Ю. В. Реформа следственного аппарата России в 1860–1864 гг. // Советское государство и право. — 1991. — №10. — С. 123.

² Дармаева В. Д. Следователь в уголовном судопроизводстве. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. — С. 19–20.

2. В результате этой реформы сложилось две формы предварительного расследования — дознание и предварительное следствие, существующие в российском уголовном процессе до сих пор.

3. Отделение следствия от полиции дало возможность полиции более эффективно осуществлять свою основную функцию по охране общественного порядка¹.

По характеристике А. Квачевского, исследовавшего проблемы дознания пореформенной царской России, учреждение в 1860 году института судебных следователей основной целью имело отделение следствия от полиции, после чего дознание осталось в ведении общей полиции и представляло собой самый первый и краткий период следствия². Однако он же отмечал, что, хотя «Наказом полиции» и учреждался институт судебных следователей, а дознание и следствие были переданы в различные ведомства, между ними не было проведено четкого разграничения. Оно было в определенной мере сделано лишь Судебной реформой 1864 года³.

То есть обособленность этих двух, теперь уже самостоятельных форм досудебного производства, закрепляет следующий нормативный акт, посвященный уголовному процессу — Устав уголовного судопроизводства, который в числе трех других законов и составил тот, как теперь бы сказали, пакет документов, явивший миру и России Судебную реформу 1864 года⁴.

Для понимания результатов законодательного урегулирования производства дознания и следствия по Уставу уголовно-

¹ Лукин В. М. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2004. — С. 5.

² См.: Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. — Ч. 2. — СПб., 1867. — С. 140, 131.

³ Там же. — С. 142.

⁴ Судебная реформа была проведена изданием 20 ноября 1864 года «Судебных уставов», которые состояли из четырех законов: «Учреждение судебных установлений», «Устав уголовного судопроизводства», «Устав гражданского судопроизводства» и «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями».

го судопроизводства (далее также — УУС) важно разобраться с теми задачами, которые ставили перед собой создатели нового порядка расследования преступлений. В предпосланных официальному изданию Устава уголовного судопроизводства «Основных положениях уголовного судопроизводства», являвшихся как бы краткой объяснительной запиской к новому закону, составители Устава указали те основополагающие начала, которые исповедовались при подготовке УУС. Из этого документа следует, что они исходили из следующих соображений.

Цель уголовного судопроизводства есть обнаружение так называемой материальной истины относительно происшествия или деяния, признаваемого преступным, и наказание действительно виновного в совершении преступления или проступка. Посему в уголовном судопроизводстве все действия, предшествующие решению дела, должны быть направлены к получению удостоверения в действительном совершении преступления обвиняемым и в степени его виновности.

Из других базовых установлений создателей Устава хотелось бы напомнить следующие:

- Никто не может быть наказан за преступления или проступки, подлежащие ведомству судебных мест, не быв присужден к наказанию приговором надлежащего суда, вошедшим в законную силу.

- Преследование виновных в преступлениях и проступках начинается и производится учрежденными для сего властями, кроме тех, означенных в законе случаев, в которых оно может быть начато не иначе, как по жалобе частных лиц.

- Власть обвинительная отделяется от судебной. Власть обвинительная, то есть обнаружение преступлений и преследование виновных, принадлежит прокурорам.

- Власть судебная, то есть рассмотрение уголовных дел и постановление приговора, принадлежит судам без всякого участия властей административных. Приговор постановляется не иначе, как по проверке и дополнении в заседании суда доказательств, обнаруженных предварительным следствием.

«Одним из основных положений, — как свидетельствует М. А. Чельцов-Бебутов, — провозглашенных при проведении судебной реформы, были отделение «обвинительной власти» от судебной и придание предварительному следствию характера судебной деятельности»¹.

Таким образом, Устав уголовного судопроизводства детализирует различие органов, производящих предварительное следствие и дознание, начало чему было положено упоминавшимся Указом об отделении следствия от полиции 1860 года. Следствие по УУС поручается судебному следователю, который хотя и не имел формального звания судьи, но находился в организационном и процессуальном подчинении окружного суда, а не прокурора². Производство дознания сосредотачивается в руках полиции и осуществляется под надзором прокурора. Статья 279 УУС прямо на это указывает: «По производству дознания о преступных деяниях полицейские чины состоят в непосредственной зависимости от прокуроров и их товарищей»³.

Однако помимо полиции, которая хотя и являлась основным органом дознания, право производить дознание распространялось и на других субъектов. В систему органов дознания включались, например:

1) полицмейстеры, исправники, приставы, помощники этих должностных лиц, полицейские исправники и лица, исполняющие обязанности указанных полицейских чиновников;

2) околоточные надзиратели, полицейские урядники, чины речной и морской полиции;

¹ Чельцов-Бебутов М. А. Указ. раб. — С. 780.

² Судебный следователь даже мог быть в отдельных случаях привлекаем для пополнения состава суда при разбирательстве уголовных дел. «Судебные следователи, — читаем мы в документах, — быв заняты постоянно производством следствий по делам уголовным, могут быть приглашаемы к заседанию в суде окружном в качестве его членов, только при недостатке постоянных членов суда, для составления полного присутствия». (См.: Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Под сенью русского орла. Российские прокуроры. — М.: РОССПЭН, 1996. — С. 336).

³ См.: Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Указ. раб. — С. 368.

3) волостные старшины, их помощники, сельские старосты, сотские и десятские;

4) чины отдельного корпуса жандармов при исполнении ими обязанностей общей полиции;

5) в области Войска Донского — станичные и хуторские атаманы и заседатели¹.

Справедливости ради нужно заметить, что многообразие субъектов, наделяемых правом осуществления функций органа дознания, характерно до настоящего времени.

Подчиненное положение занимало дознание и по отношению к следствию, поскольку ст. 269 УУС предписывала: «Судебный следователь имеет право проверять, дополнять и отменять действия полиции по произведенному ими первоначальному исследованию»².

Сущность сложившегося после реформы 1864 г. дознания хорошо передает известнейший русский дореволюционный процессуалист И. Я. Фойницкий, который замечает: «Наше законодательство остается при типе дознания, которое... сосредоточено в руках полиции под некоторым лишь наблюдением прокуратуры. Оно производится помимо сторон, не предполагает их участия и деятельности, определяясь безличной волей закона... Дознание по нашему праву заканчивается в тот момент, когда дело переходит в стадию предварительного следствия, т. е. когда оно передается судебному следователю. По своей задаче дознание направляется, главным образом, к расследованию преступного события или происшествия. Отсюда, однако, не вытекает, что оно не может поставить вопрос о виновности того или другого лица... Занимая начальную ступень в ходе уголовного процесса, дознание вырабатывает материал, из которого развиваются другие части производства; от большей или меньшей

¹ См.: Гуценко К. Ф., Ковалев М. А. Указ. раб. — С. 309.

² См.: Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Под сенью русского орла. Российские прокуроры. Вторая половина XIX — начало XX в. — М.: РОС-СПЭН, 1996. — С. 367.

удачи его, как от всякого почина, нередко зависит судьба всего дела»¹.

Сам закон позволял определять дознание как «первоначальные изыскания, производимые полицией для обнаружения справедливости или несправедливости дошедших до них слухов и сведений о преступлении...»². При этом в подобном регламенте деятельности виделись два весьма важных улучшения: «первое, что полиция, дабы не сообщать следователю неверных сведений, по необходимости должна будет сперва сама удостовериться в справедливости того, о чем доносит, а через то число неосновательных следствий значительно уменьшится; второе, что судебный следователь, не участвуя в первоначальных разысканиях и посему не увлекаемый первыми, иногда ошибочными заключениями и догадками о предполагаемом виновном, может беспристрастно, без всяких предубеждений судить о вероятности возводимого на кого-либо подозрения»³.

Согласно нормам УУС полиция как орган дознания должна была удостовериться «через дознание» в том, что действительно ли имело место происшествие и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка (ст. 253–254 УУС). В соответствии со ст. 250 УУС, если «о происшествии, заключающем в себе признаки преступления», первой узнавала полиция, то она была обязана не позже суток сообщить об этом судебному следователю и прокурору либо его товарищу. При отсутствии последних «на месте» полиция должна была начать производство дознания (ст. 254). И далее норма УУС называет арсенал средств, т. е. допустимых действий, которые и со-

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. — Т. 2. — Пг., 1915 (*Цит. по:* Хрестоматия по уголовному процессу России: Уч. пособие / Автор-сост. проф. Э. Ф. Куцова. — М.: Городец, 1999. — С. 231–232).

² Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Изд. 2-е, доп. и измен. — Ч. 2. — СПб., 1867. — С. 112–113.

³ Там же. — С. 115.

ставляют суть дознания, поскольку в ней сказано, что в ходе дознания все нужные полиции сведения она собирает «посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя, ни обысков, ни выемок в домах» (ст. 254 УУС). Полиция осуществляла эти действия, согласно еще одной норме УУС, для закрепления обстоятельств происшествия «по горячим следам», когда до «прибытия на место судебного следователя следы преступления могли бы изгладиться» (ст. 258 УУС).

Подобный регламент деятельности позволял С. И. Викторскому говорить, что полиция собирала при этом не доказательства, а только сведения о них¹. Он же и П. В. Макалинский свидетельствуют, что при осуществлении дознания полиция не имела права на составление какого-либо протокола, а полученные сведения должна была заносить в один общий акт за подписью лица, производившего дознание. Сенат не рекомендовал читать акты дознания в судебном заседании и в особенности подчеркивал, что признание обвиняемого на дознании, не подтвержденное в присутствии суда, не имеет доказательственного значения².

Дополняют представление о природе дознания исследуемого времени взгляды на сущность этой деятельности других прославленных ученых данного периода. Профессор Петербургского университета Н. Н. Розин, например, отмечал, что: «Под дознанием разумеются меры, принимаемые указанными в законе органами, для установления по горячим следам события преступного деяния, его намечающихся юридических черт и предполагаемого его виновника»³.

А. А. Квачевский определял дознание как «первоначальное производство, имеющее целью собирание данных для удосто-

¹ Викторский С. И. Русский уголовный процесс. — М., 1997. — С. 352.

² См.: Викторский С. И. Указ. раб. — С. 352; Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей. Изд. 6-е. — СПб., 1907. — С. 34.

³ Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. — СПб., 1914. — С. 415.

верения в том, что известное событие составляет деяние, запрещенное законом под страхом наказания, и для открытия виновника этого деяния»¹.

С учетом приведенных точек зрения на природу дознания трудно согласиться с одним из выводов современного автора В. М. Лукина, который пишет: «В дореволюционной уголовно-процессуальной науке не существовало единого мнения по поводу сущности дознания. По мнению одних ученых дознание должно ограничиваться установлением признаков совершенного преступления (А. А. Квачевский, В. К. Случевский). Другие считали, что дознание должно быть направлено на установление лица, совершившего преступление, и его виновности (И. Я. Фойницкий)»². Применительно к содержанию дознания по Уставу уголовного судопроизводства видно, что суждения упомянутых авторитетов уголовно-процессуальной науки практически не расходятся.

Подводя итог в определении сущности дознания по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., можно сослаться на разделяемую нами в этом случае позицию А. С. Есиной, которая констатирует: «Фактически под дознанием понималась первоначальная проверка информации о преступлении, проводимая полицией. Порядок этой проверки был установлен ст. 48, 312 Устава уголовного судопроизводства (УУС) России 1864 г., а более подробно регламентирован в Законе «О судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках». В соответствии с указанными документами проверка сообщения о преступлении проводилась в форме полицейского дознания»³.

¹ Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. — Ч. 2. — СПб., 1867. — С. 3.

² Лукин В. М. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2004. — С. 5.

³ Есина А. С. Дознание. — М.: Экзамен, 2005. — С. 5.

Из всего сказанного следует, что эта проверочная деятельность, т. е. дознание в его первоначальном смысле, не является процессуальной деятельностью и тем предельно четко отграничивается от дальнейшего процессуального порядка работы следователя. Кроме того, ведущие ученые-процессуалисты тех лет полагали, что дознание и не может проводиться в процессуальной форме, так как «...успех дознания обеспечивается всего более возможностью производить его быстро и безостановочно, поэтому установление разных формальных требований в этой стадии было бы не только бесполезно, но даже вредно для интересов уголовного правосудия»¹.

Как утверждает современный известный ученый, судья Верховного Суда РФ в отставке Н. А. Колоколов «Дознание до Октябрьской революции располагалось вообще за рамками уголовного судопроизводства, это был аналог современным оперативно-розыскным действиям»².

Опираясь в очередной раз на суждения тогдашней профессуры, можно констатировать, что смысл отделения дознания от предварительного следствия заключался в том, что дознание есть только «обнаружение преступного характера происшествия, полагая, что дальнейшие действия по розыскиванию и изобличению преступника должны принадлежать следователю»³.

И. Я. Фойницкий, касаясь отличия дознания от предварительного следствия, рассуждал следующим образом: «Дознание производится негласно⁴, не прибегая, по обще-

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. — Т. 2. — СПб., 1910. — С. 357.

² Колоколов Н. А. Укрепление власти следственной // Уголовный процесс. — 2007. — №7. — С. 44.

³ Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. — СПб., 1892. — С. 311 (*Цит. по:* Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: Монография. — М.: Экзамен, 2003. — С. 44–45).

⁴ Согласно ст. 254 УУС, определяющей формы и методы дознания, розыск, в том числе и негласный, выступал как основная составная его часть.

му правилу, ни к каким принудительным мерам и исследует не столько виновность лица, сколько действительность события преступления. Предварительное следствие, напротив, почти всегда направляется против определенной личности, которая ставится в положение обвиняемого... Дознание может кончиться ничем, без всякого судебного вмешательства; предварительное следствие есть результат возбуждения судебного преследования, и может быть прекращено только судом...»¹.

«Теоретическим основанием для такого различия между действиями следователя и действиями полиции, — дополняет уже в более позднее время М. А. Чельцов-Бебутов, — являлось противопоставление судебной власти, власти административной, основанное на теории разделения властей. Только действия органов судебной власти, совершенные в установленном процессуальном порядке, могут вызывать правовые последствия. Поэтому только протоколы, составленные следователем, могут прочитываться в суде, и установленные в них факты считаются доказательствами. Протоколы, составленные чинами полиции, такого значения не имеют»².

Следовательно, акты и другие материалы, полученные в процессе дознания, не имели юридической силы и являлись лишь подсобным материалом для следователей при производстве ими предварительного следствия. Отсюда то исконное понятие дознания, которое наличествует в различных словарях как более раннего времени, так и современных, подчеркивающее административную суть дознания, его непроцессуальный характер. «Дознание, — читаем мы в словаре русского языка С. И. Ожегова, — есть предварительное административное расследование»³. А «дознаться»

¹ См.: Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие / Автор-сост. проф. Э. Ф. Куцова. — М.: Городец, 1999. — С. 232.

² Чельцов-Бебутов М. А. Указ. раб. — С. 782.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1981. — С. 174.

в соответствии с тем же словарем означает «выведать, выяснить»¹.

Такой же подход к смыслу этого слова мы видим в одном из современных словарей русского языка. «Дознание, — толкуется в нем, — это предварительное (до начала следствия) расследование для установления факта преступления»².

«Нам представляется, — замечает Т. К. Асаналиев, — что обыденная народная интерпретация слов, связанных с познаваемым явлением, подчас более точно отражает его сущность, его архетип»³. И с данным предположением трудно не согласиться. Как и с тем, что более информативным может оказаться глагол, а не существительное, обозначающее то или иное явление. Если дополнить приведенное определение глагола «дознаться» из словаря С. И. Ожегова знаниями из других аналогичных источников, то обнаружатся следующие значения термина «дознать»:

- 1) «точно разузнать, удостовериться в чем-нибудь»⁴;
- 2) «выведать, выяснить»⁵;
- 3) «допытываться, узнавать, разузнавать, разведывать, доведываться, разыскивать, подходить с розыском, осведомляться»⁶.

Анализируя сущность дознания, заложенную толковыми словарями русского языка, кыргызский ученый Т. К. Асаналиев приходит к выводу о том, что «...в толковых словарях сущность дознания выводится через его информационную

¹ Там же.

² Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — М.: Ридерз Дайджест, 2004. — С. 167.

³ Асаналиев Т. К. Дознание как необходимая форма предварительного расследования в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2007. — №5. — С. 375.

⁴ Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М., 1935. — С. 744.

⁵ Словарь русского языка / Под общ. ред. академика С. П. Обнорского. — М., 1953. — С. 146.

⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1. — С. 454.

природу, через устремленность к истине: буквально — дойти до знания; применительно к уголовному процессу — до знания о криминальном событии. Однако русский язык велик и «хулиганист». Последнее свойство выражается в поляризации объяснений одинаковых знаков. Так, словесное толкование формулы «до знание» при определенной установке может быть истолковано не как цель (пределы познания), а как некий уровень несовершенства результата — то, что существует до знания, то есть предшествует ему, представляет собой полуфабрикат знания. Отсюда (из многоликости русского языка) может произрастать и установка на предварительный непроцессуальный характер дознания, встречающаяся в специальных объяснениях этого понятия»¹.

Именно такое наполнение понятия «дознание» присутствует в приведенных определениях.

Современные исследователи досудебного производства, ссылаясь на признанных авторитетов уголовного процесса, подчеркивают точно такой же первоначальный смысл дознания. Г. П. Химичева, например, взяв себе в подмогу С. И. Викторского и его переизданный труд о русском уголовном процессе², обращает внимание на следующее: «Действительно, дознание возникло как административная деятельность полиции на первоначальном этапе досудебного производства, которая осуществлялась не по процессуальным правилам, обязательным только для производства предварительного следствия»³.

Таким образом, дознание в виде самостоятельной формы производства по общественно опасным деяниям родилось как чисто административная деятельность полиции

¹ Асаналиев Т. К. Указ. раб. — С. 375.

² См.: Викторский С. И. Русский уголовный процесс. — М., 1912; Он же: Русский уголовный процесс. — М., 1997. — С. 352.

³ Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: Монография. — М.: Экзамен, 2003. — С. 44.

и некоторых других субъектов по фактам, содержащим в себе признаки преступлений или проступков. Эта деятельность предшествовала официальному расследованию, не носила процессуального, то есть строго регламентированного законом, гласного характера и служила лишь подспорьем для следователей, которые на основании собранных в ходе дознания материалов должны были дать правовую оценку содеянному и при наличии в деянии состава преступления приступить к официальному процессуальному расследованию.

К аналогичному выводу приходит и М. Бекетов, который заключает, что «в дореволюционном уголовном процессе под дознанием понималась деятельность полиции до вступления в дело судебного следователя... По окончании дознания его материалы в любом случае передавались судебному следователю. Деятельность по производству дознания считалась непроцессуальной. Его материалы являлись только основанием для производства судебным следователем предварительного следствия»¹.

Интересной представляется характеристика сущности дознания в советских юридических словарях эпохи сталинизма, когда всему буржуазному, (а возникновение понятия «нашего» дознания происходит именно в «буржуазное» время) противопоставляется новое советское. Например, юридический словарь 1953 года издания, касаясь производства дознания в капиталистических странах, описывает его так: «Дознание в буржуазных странах производится жандармско-полицейским аппаратом. Буржуазный уголовный процесс формально не придает актам дознания юридического значения. В действительности, органы полиции и охраны (федеральное бюро расследований в США, Скотланд-Ярд в Англии и т. д.), не стесненные процессуальными законами, занимаются фальсификацией дел, выставляя в суде в качестве

¹ Бекетов М. Дознание: история и перспективы // Уголовное право. — 2008. — №4. — С. 69.

«свидетелей» полицейских и агентов охраны, показаниям которых придается предустановленно достоверный для суда характер»¹.

Не затрагивая оценочных суждений, данных в приведенном описании, трудно не согласиться с правильно переданной сутью дознания как правовой категории вообще².

При оценке сущности досудебного производства с современных позиций, в содержании дознания пореформенной России угадывается деятельность по проверке первичной информации о преступлении. Однако действующий УПК РФ, как впрочем, и предыдущий, закрепляет такие действия в качестве уголовно-процессуальных и включает их в содержание первой стадии уголовного процесса — стадии возбуждения уголовного дела. То есть сегодня эта деятельность приобрела характер уголовного судопроизводства. В связи с чем трудно не согласиться с заключением

¹ См.: Юридический словарь. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. — С. 180–181.

² Если же заглянуть в оценку сложившегося производства дознания описываемого периода в России, то она окажется еще более удручающей. В «Курсе уголовно-процессуального права» М. А. Чельцов-Бебутов приводит оценку российского полицейского дознания, которую давал А. Ф. Кони на основании многочисленных свидетельств крупных судебных и прокурорских работников и материалов, дошедших до суда дел о злоупотреблениях чинов полиции. Вот эта оценка: «Безотчетный произвол, легкомысленное лишение свободы, напрасное производство обысков, отсутствие ясного сознания о действительном составе преступления, неумелость и нередко желание «покормиться», «выслужиться» или «отличиться» были характерными признаками производства таких следствий, причем ввиду того, что собственное признание обвиняемого считалось законом за «лучшее доказательство всего света», бывали случаи добывания его истязаниями и приемами замаскированной пытки». (См.: Чельцов-Бебутов М. А. Указ. раб. — С. 737–738).

И пусть эта характеристика относится к периоду, непосредственно предшествующему Судебной реформе 1864 года, методы работы полиции после реформы практически не изменились. (См.: Гуценко К. Ф., Ковалев М. А. Правоохранительные органы: Учебник для юридических вузов и факультетов. — М.: Зерцало, 1997. — С. 309–310).

А. И. Трусова, согласно которому стадия возбуждения уголовного дела явилась продуктом перерождения института дознания, предусмотренного дореволюционным законодательством¹.

В то же время, анализ положений УУС 1864 года позволяет сделать вывод о том, что основа для выхода за сугубо административные рамки деятельности в ходе дознания, право придать результатам этой деятельности юридическое значение были заложены этим же актом. Статья 258 УУС предписывала: «В тех случаях, когда полицией застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное деяние, а также когда до прибытия на место происшествия судебного следователя следы преступления могли бы изгладиться, полиция заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как-то: в осмотрах, в освидетельствованиях, обысках и выемках; но формальных допросов ни обвиняемым, ни свидетелям полиция не делает, разве бы кто-либо из них оказался тяжело больным, и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя»².

То есть закрепив правило о возможной замене следователя представителями полиции, Устав уголовного судопроизводства впервые привносит в деятельность органов дознания процессуальные элементы, смешивает в одном понятии (дознание) два вида деятельности: административную и процессуальную. Возникает вопрос: как же теперь быть с теми процессуальными документами, которые получает полиция в процессе такой деятельности? Ведь ранее было показано, что акты, полученные в ходе дознания, юридической силы не имеют и являются лишь ориентирующим следователя материалом. Если получение процессуальных документов

¹ Трусов А. И. Проект УПК: готов ли он стать законом? // Следователь. — 1997. — №2. — С. 13.

² См.: Российское законодательство X–XX веков. — М.: Юрид. литература, 1984. — Т. 8. — С. 355.

также является дознанием, то судьба результатов такого дознания должна быть такой же. Но, как свидетельствуют специалисты, «в таких случаях, когда чины полиции заменяли следователя, протоколы, составленные ими, согласно разъяснениям Сената могли быть прочитаны в судебном заседании»¹. То есть акты полиции, полученные на первоначальном этапе расследования, согласно такому разъяснению, приобретали юридическую силу и также как документы следователя становились источниками для формирования судом доказательств. Тем самым Устав уголовного судопроизводства, разграничивая полномочия органов дознания и следствия, одновременно закрепляет за органами дознания право, пусть и в ограниченных случаях, но выполнять процессуальные действия, то есть осуществлять часть сугубо следственной работы. «На практике, — замечает В.М. Лукин, — ввиду обширной территории страны, недостаточности участков судебных следователей, примитивных средств передвижения, присутствие судебного следователя на месте происшествия могло быть обеспечено не всегда, поэтому производство следственных действий полицией в пореформенной России не являлось такой уж редкостью»².

Дабы придать целесообразность такой деятельности органов дознания и исключить необходимость ее повторения следователями, Сенат меняет на противоположное свое разъяснение о недопустимости использования в суде результатов действий органов дознания и теперь допускает возможность «опираться» в судебном заседании и на акты дознания, полученные в тех случаях, когда «чины полиции заменяли следователя».

Как нам представляется, именно с этого момента и допу-

¹ Чельцов-Бebutov М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. — СПб.: Равена, Альфа, 1995. — С. 782.

² Лукин В. М. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2004. — С. 5.

скается включение в административную сущность дознания процессуальных элементов деятельности, обосновываемое упомянутым законодательным закреплением.

Однако, какие у нас есть основания называть разрешенные полиции процессуальные действия собственно дознанием? Осмелимся предположить, что никаких. В данном случае закон лишь наделяет правом одного из субъектов дознания дополнительно к своей деятельности производить еще и другие, несвойственные дознанию, процессуальные действия. Эта часть полномочий субъекта дознания, по сути, не является ни дознанием, ни предварительным следствием. Она могла или должна была получить собственное название, но этого не произошло и в целом все, что было разрешено полиции в части расследования преступлений, стали именовать дознанием. Отсюда и та путаница, которая преследует этот вид деятельности до сих пор¹.

Если же уйти от этого стереотипа, ***то содержанием дознания рассматриваемого периода возможно видеть только непроцессуальные действия уполномоченных субъектов, производимые на этапе проверки информации о происшествии.***

§2. ДОЗНАНИЕ НА ПУТИ ОТ РЕФОРМЫ 1864 г. К УПК РСФСР 1960 г.

По проторенной судебной реформой 1864 года дороге с некоторыми отклонениями в одну или другую сторону судопроизводство двигалось до из-

¹ Забегая вперед, вспомним, что по УПК РСФСР 1960 г. в дознание включалась как деятельность органов дознания по расследованию преступлений в полном объеме, так и выполнение только неотложных следственных действий, что называлось вторым видом дознания — дознанием по делам, по которым предварительное следствие обязательно. По УПК РФ 2001 г. выполнение неотложных следственных действий перестали именовать дознанием, но оставили одной из функций органов дознания.

вестных событий 1917 года¹.

Декрет о суде №1, опубликованный 24 ноября 1917 года, гласил: «Упразднить донныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры (п. 3), приостановить действие института мировых судей (п. 2). Впредь до преобразования всего порядка судопроизводства предварительное следствие по уголовным делам возлагается на местных судей единолично, причем постановления их о личном задержании и предании суду должны быть подтверждены постановлением всего местного суда (п. 7)»². «С этого момента, — отмечают специалисты уголовного процесса, — в весьма непростых условиях шел поиск каких-то новых форм организации производства по уголовным делам. По понятным причинам в первые годы наибольшим признанием пользовались формы, обеспечивающие «силовые» приемы и приемы, максимально упрощавшие применение репрессий»³. И пусть в приведенном доку-

¹ В качестве примера отклонения от первоначально установленного порядка производства дознания можно сослаться на вступившие в силу 19 мая 1871 года Высочайше утвержденные «Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений», подготовленные в недрах Министерства юстиции, которым руководил граф К. И. Пален, и согласованные с шефом жандармов. В соответствии с ними дознание по политическим делам стало производиться жандармскими офицерами под наблюдением прокуроров. Полиция и местные власти обязывались «оказывать жандармам всяческое содействие». Оконченные дознанием дела поступали к прокурору судебной палаты, а от него — к министру юстиции, который либо давал распоряжение о начале предварительного следствия, либо испрашивал Высочайшее повеление о разрешении дела в административном порядке. То есть результаты такого дознания становились основанием для вывода о виновности преступников и без суда они могли быть подвергнуты наказанию (См.: Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Под сенью русского орла. Российские прокуратуры. Вторая половина XIX — начало XX в. — М.: РОССПЭН, 1996. — С. 109).

² См.: Декрет СНК РСФСР «О суде» // История советской прокуратуры в важнейших документах. — М., 1947. — С. 30.

³ Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. — М.: Зерцало, 1997. — С. 27.

менте новой государственной власти ничего не говорится о дознании, значение Декрета в том, что судопроизводство в целом непосредственно связано с дознанием и изменения порядка судопроизводства влекут изменения и процедуры дознания. Из Декрета, тем не менее, усматривается, что линия Судебных уставов на отделение судебной власти от административной сохраняется и следственная деятельность, как и ранее, считается компетенцией судебной власти¹.

А это в свою очередь позволяет предположить, что результаты досудебной деятельности (в нашем случае читай: следственной деятельности) по-прежнему доказательствами по уголовному делу не признаются и получены они могут быть только в процессе последующего расследования дела следователем. Основой такого подхода, как мы помним, являлся постулат о том, что правовые последствия могут влечь результаты лишь той деятельности, которая произведена в установленном законом процессуальном порядке. А такой порядок вновь установлен только для следователей, значит, итоги других действий юридически ничтожны.

Хорошо это или плохо? С точки зрения теории разделения властей — это хорошо, только так должно и быть. Ну а с практической стороны дела? Обратимся к мнению практиков. В. И. Громов — известный отечественный криминалист, который длительный период работал на различных следственных должностях, как в царское, так и в советское время, параллельно занимаясь наукой, — так отзывался об этом регламенте: «Раньше акты дознания по делам высшей подсудности не признавались вовсе доказательными актами, не могли быть огла-

¹ Необходимо заметить, что до 1928 года следственные органы по всей стране оставались в подчинении судов, а прокуратура лишь осуществляла надзор за их деятельностью. Только в сентябре 1928 года согласно изменениям, внесенным в Положение о судостроительстве РСФСР, следователи были выведены из подчинения судов и полностью подчинены прокуратуре. Помимо прокуратуры следственным аппаратом располагали органы государственной безопасности, а с 6 апреля 1963 года — и органы внутренних дел.

шаемы на суде и подлежали обязательной проверке на предварительном следствии. Это создавало ненужный формализм и бесполезную волокиту и вынуждало следователя проделывать вторично работу органов дознания, хотя бы она была с достаточной полнотой и ясностью выполнена этими органами»¹. С такой позиции получалось плохо.

Каким образом новая власть пытается разрешить эту дилемму и пытается ли вообще это сделать, можно увидеть из первых нормативных актов Советского государства. Основные процессуальные институты в этот период получают свое оформление не в законах, а в декретах, постановлениях и других подзаконных источниках Советской власти.

Первоначальную регламентацию в новом государстве дознание получило в принятой в 1918 году Инструкции НКВД и НКЮ РСФСР об организации советской рабоче-крестьянской милиции. Пункт 27 указанной Инструкции возложил обязанности дознания по уголовным преступлениям и проступкам на советскую милицию. В п. 28 Инструкции к ведению милиции было отнесено: «1) производство розысков и дознаний по уголовным делам под руководством и указанием народных судей и следственных комиссий; 2) производство в порядке, предусмотренном особым циркуляром Народного комиссариата по внутренним делам, обысков, выемок как по постановлениям народных судов и следственных комиссий, так и, в особых случаях, по своей инициативе для пресечения сокрытия следов преступления»².

Из второй части пункта 28 Инструкции следует, что на милицию, как вновь созданный вместо полиции орган, возлагается пусть и в особых случаях обязанность выполнения и сугубо процессуальных действий: обысков, осмотров и выемок. Следовательно, ничто не мешает признавать результаты такой де-

¹ Громов В. И. Дознание и предварительное следствие: Методика расследования преступлений: Осмотр места преступления: Сб. научн. тр. — М.: ЛексЭст, 2003. — С. 13.

² См.: Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1918. №75. Ст. 813.

тельности доказательствами и без «проделывания вторичной работы» следователями использовать их в суде. Однако, если буквально толковать текст приведенного пункта Инструкции, то нельзя сказать, что производство этих разрешенных действий является дознанием.

Документ отдельно в части первой приведенной нормы указывает на право милиции производить дознание, ставя эту деятельность вровень с розыском, то есть ярко выраженной разновидностью административной деятельности, и лишь дополнительно и раздельно от дознания наделяет еще и полномочием производить обыски, осмотры и выемки.

В этом случае вполне резонно утверждать, что данная Инструкция как первый, посвященный дознанию нормативный акт Советской власти, не смешивает в понятии дознания административную и процессуальную деятельность милиции, вынося право производства процессуальных действий за рамки дознания. То есть выполнение следственных действий в особых случаях становится функцией милиции как органа дознания, но не является собственно дознанием. Но это вывод, к которому позволяет прийти, повторим, буквальное толкование нормы. На практике же, по свидетельству Б. Я. Гаврилова, закрепленный в Инструкции регламент был воспринят по — своему. Эти полномочия милиции и уголовного розыска были истолкованы как возможность расследования уголовных дел и «Для расследования этих дел в аппаратах уголовного розыска вводились должности следователей», которые были упразднены лишь после принятия УПК РСФСР в 1922 году¹.

Именно к 1922 году была создана более или менее отлаженная судебная система, прокуратура, адвокатура. В этом же году, а именно, 25 мая, на 3 — й сессии ВЦИК был принят

¹ См.: Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. — М.: ТК Велби, Проспект, 2008. — С. 70–71.

первый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР¹, содержащий специальную главу 8 «О дознании». В УПК РСФСР предпринимается попытка установить определенное различие между дознанием как деятельностью милиции и следствием, проводимым следователем. Согласно ст. 107 УПК РСФСР 1922 г. дознание должно было производиться в срок, не превышающий одного месяца, и могло завершаться либо передачей дела в суд (если срок наказания за преступление не превышал одного года лишения свободы), либо его направлением прокурору для передачи по подследственности. Предусматривалась и возможность прекращения производства по уголовному делу.

Одним из основных полномочий органов дознания было принятие мер к тому, чтобы до начала предварительного следствия или до разбора дела по существу, если предварительное следствие не производится, были сохранены следы преступления и была устранена для подозреваемого возможность скрыться. Также при производстве дознания могли быть опрошены подозреваемые лица и свидетели. Могли производиться выемки, обыски, осмотры и освидетельствования, но только в тех случаях, когда имелись достаточные основания полагать, что следы преступления и другие вещественные доказательства могут быть уничтожены или скрыты.

Органы дознания имели право задерживать лицо, подозреваемое в совершении преступления. Но данное уголовно-процессуальное принуждение допускалось лишь как мера предупреждения уклонения подозреваемого от следствия и суда. В этом же Кодексе мы впервые сталкиваемся с теми

¹ СУ РСФСР. 1922. №20–21. Ст. 230. Следует заметить, что в этом случае речь идет о первом УПК нового государства — РСФСР. Первым Уголовно-процессуальным кодексом России признают вторую книгу «О судопроизводстве по преступлениям» XV тома Свода законов Российской империи 1832 года, введенного в действие с 1 января 1835 г. (См.: Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция»/Под ред. В. П. Божьева. 4-е изд, перераб. и доп. — М.: Спарк, 2004. С. 63).

основаниями задержания, которые сохранились практически в неизменном виде до сих пор: 1) когда преступник застигнут при непосредственном приготовлении, самом совершении преступления или тотчас после его совершения; 2) когда потерпевший или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление; 3) когда при или на подозреваемом лице или в его жилище будут найдены следы преступления; 4) когда подозреваемый покушался на побег или задержан во время побега; 5) когда подозреваемый не имеет места постоянного жительства или места постоянных занятий; 6) когда не установлена личность подозреваемого¹. В том случае, если дознанием не установлено наличие в деянии признаков преступления, весь материал дознания направлялся к прокурору для прекращения дела. Если же дознанием были добыты данные, изобличающие кого-либо в совершении преступления, за которое возможно было назначение наказания в виде лишения свободы на срок до одного года, то весь материал дознания направлялся органами дознания непосредственно в суд, которому подсудно было данное дело. В случаях, когда дознанием были добыты данные, изобличающие кого-либо в совершении преступлений, по которым обязательно предварительное следствие, органы дознания в обязательном порядке (в течение одних суток) должны были сообщить об этом следователю и прокурору и передать весь материал дознания следователю, не дожидаясь окончания месячного срока.

Следователь, если признавал поступивший к нему материал дознания достаточно полным и дело достаточно разъясненным, вправе был не производить предварительного следствия или же ограничиться производством отдельных следственных действий. При этом следователь обязан был выполнить следующие следственные действия, которые, во всяком случае, являлись обязательными:

- 1) предъявление обвинения обвиняемому;
- 2) допрос обвиняемого;

¹ См.: Ст. 102 УПК РСФСР от 25 мая 1922 г.

3) составление обвинительного заключения.

«Первый советский Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, — замечает А. С. Есина, — содержал развернутую систему процессуальных норм, подробно регламентирующих деятельность органов дознания по расследованию преступлений, что придало этой деятельности процессуальный характер»¹. Оценивая значение первого советского УПК, К. Ф. Гуценко подмечает, что УПК РСФСР 1922 г. «...по сути своей означал возврат ко многим из тех процессуальных институтов, которые предусматривались Уставом 1864 года, хотя данное обстоятельство в течение длительного времени отрицалось»². Отрицать этот факт применительно к регламенту предварительного расследования вообще и дознания, в частности, можно, хотя и трудно. Можно потому, что по Уставу сущность дознания оставалась все-таки административной, а УПК РСФСР 1922 г. вложил в дознание только процессуальное содержание. В то же время, следствие оставалось прерогативой судебной власти и прообраз дознания по делам, по которым предварительное следствие признавалось обязательным, первоначально сформирован в УУС 1864 г. Тот же К. Ф. Гуценко, теперь уже совместно с М. А. Ковалевым, описывая процессуальное положение органов и должностных лиц по Уставу 1864 г., констатируют, что «уже тогда начались первые шаги по разграничению дознания в виде неотложных следственных действий по делам, по которым обязательно должно было производиться следствие, и дознания по всем остальным делам (это были дела, подсудные мировым судьям)»³.

Преемственность налицо, хотя и новаторство в нашем вопросе также неоспоримо. Да, в УПК РСФСР 1922 года законодательно были закреплены органы и регламент их деятельности в зависимости от того, с каким по степени опасности

¹ Есина А. С. Дознание. — М.: Экзамен, 2005. — С. 8.

² Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. — М.: Зерцало, 1997. — С. 27 (автор главы — К. Ф. Гуценко).

³ Там же. — С. 75.

преступным фактом они сталкивались. Указываемые в законе органы назывались органами дознания. Так, ст. 97 УПК гласила, что органами дознания, уполномоченными производить расследование, являются: 1) органы милиции и уголовного розыска; 2) органы Государственного политического управления; 3) органы специальных инспекций по делам, отнесенным к их ведению; 4) правительственные учреждения и должностные лица по делам о незаконных действиях подчиненных им должностных лиц.

Не вызывает сомнения, что указанные в перечне ст. 97 УПК РСФСР органы являются органами дознания, потому как среди их полномочий есть и обязанность проводить в случае необходимости предварительное административное расследование. Причем для органов милиции, уголовного розыска, ГПУ¹ эта обязанность в силу их предназначения являлась первостепенной и основной, для других органов — вспомогательной². Названные органы являлись адми-

¹ ГПУ — Государственное политическое управление РСФСР, как затем при СССР и ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) являлось органом, призванным к подавлению контрреволюционных выступлений и бандитизма, для борьбы со шпионажем, для охраны железных дорог, водных путей и границ государства, для борьбы с контрабандой, а также для выполнения специальных поручений органов власти в направлении охраны революционного порядка. При этом ГПУ (ОГПУ) было предоставлено исключительное право административной высылки, а по делам о бандитских налетах и вооруженных ограблениях и право внесудебной расправы.

² В числе органов специальных инспекций отмечаются, прежде всего, такие, как податная, продовольственная, санитарная, лесной стражи, Инспекция труда и т. п., основное предназначение которых заключено в их названии и в целом они участвовали в различных областях государственного управления. В связи с возможностью выявления ими в ходе своей основной деятельности фактов правонарушений они и надеялись правом производства отдельных действий по закреплению признаков этих деликтов. Причем порядок таких действий определялся, прежде всего, ведомственными актами, например Наказом санитарной инспекции (см.: Собрание узаконений (СУ) РСФСР. 1920. №40–41. Ст. 181), Наказом технической инспекции (см.: СУ. 1920. №59. Ст. 745) и о горном надзоре (см.: СУ. 1922. №13. Ст. 123) и др.

нистративными органами, и их деятельность также носила административный характер. Именно такая ведомственная деятельность полиции и породила понятие производства дознания.

И вновь в этом случае мы вправе задаться вопросом: почему после того, как на органы, занимавшиеся по своему предназначению дознанием, возложили помимо дознания обязанность производства и других действий, в частности, процессуальных, эта деятельность тоже стала именоваться дознанием? Сама-то статья 97 УПК РСФСР 1922 года, назвав перечисляемые органы органами дознания, не говорит о том, что они осуществляют дознание, а указывает на то, что эти органы управомачиваются производить расследование. То есть на них помимо производства дознания, что они обязаны делать согласно своим ведомственным нормативным актам, как бы «навешивается» еще одна функция — производить в установленных теперь уже законом случаях еще и следственные, процессуальные действия. Но ведь это совсем иной вид деятельности, это уже не дознание, а то же следствие, которое осуществляют следователи, только выполняемое помимо следователей еще и другими лицами — представителями органа дознания. После такого узаконения правильно было бы констатировать, что кроме следователей правом производства предварительного следствия наделены и органы дознания, ставшие новым (дополнительным) субъектом ведения следствия, которое они осуществляют наряду со своей прежней обязанностью — производством дознания в виде предварительного административного расследования.

Ю. В. Деришев, например, обращаясь к понятию «дознание» в исследуемой интерпретации, высказывал недоумение по поводу того, «...как можно назвать дознанием расследование уголовного дела, проведенное... по той же процедуре, что и предварительное следствие, если материалы этого расследования являются основанием для рассмотрения уголовного дела в суде. Что в таком расследовании осталось от дознания? Только

наименование, которое ни в коей мере не передает нового содержания этого понятия»¹.

На искусственное объединение двух разнородных процедур в одном термине указывал еще раньше Г. И. Мачковский².

Фактически же (согласно нормам УПК РСФСР 1922 года) произошла подмена понятий. Дознанием стали называть предварительное следствие, осуществляемое органами дознания. Так нельзя было бы считать, если бы регламент дознания закреплялся лишь в процитированной ст. 97 УПК. Однако кодекс содержал целую главу, которая так и называлась «О дознании». В соответствии с положениями этой главы и некоторыми другими нормами, закреплявшими за органами дознания процессуальные функции, под дознанием стали понимать их деятельность, осуществляемую «в двояком смысле: или это — начальные акты расследования, которые подлежат дальнейшей проверке или дополнению путем предварительного следствия, или же это — вполне законченные акты, которые могут быть переданы в судебные органы без предварительной проверки и дополнения их»³.

Через непродолжительное время — 15 февраля 1923 года — правоприменителям был предложен следующий кодифицированный акт: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г.⁴, которому и было суждено практически без изменений⁵ служить путеводной звездой нашему судопроизводству на протяжении 37 лет. Данный УПК, созданный на основе УПК РСФСР 1922 г., был дополнен нормами, еще в большей степени подчеркиваю-

¹ Деришев Ю. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России. Дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 1999. — С. 107.

² Мачковский Г. И. О сущности дознания и органа дознания. Проблемы предварительного следствия и дознания. — М., 1987. — С. 61.

³ См.: Громов В. И. Дознание и предварительное следствие: Методика расследования преступлений: Осмотр места преступления: (Сб. научн. тр.). — М.: ЛексЭст, 2003. С. 12.

⁴ СУ РСФСР. 1923. №7. Ст. 106.

⁵ Как отмечает С. В. Бородин, УПК РСФСР 1923 г. «...почти не изменялся, а если изменялся, то только в целях усиления репрессии». (См.: Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов / Под ред. В. П. Божьева. — М.: Спарк, 2004. — С. 71).

щими процессуальный характер новой процедуры расследования уголовных дел, именуемой дознанием. Деятельность органов дознания разделялась «...в зависимости от того, действуют ли они по делам, по которым производство предварительного следствия является обязательным, или же по делам, по которым акты их могут послужить основанием к преданию обвиняемых суду без производства предварительного следствия» (ст. 98). В соответствии со ст. 99 этого УПК при производстве дознания могли опрашиваться подозреваемые лица и свидетели; производиться выемки, обыски, осмотры и освидетельствования в тех случаях, когда имелись достаточные основания полагать, что следы преступления и другие вещественные доказательства могут быть уничтожены или скрыты.

Разъясняя сущность сложившейся процедуры дознания, специалисты того времени писали: «...УПК разграничивает деятельность органов дознания при производстве расследования в двух направлениях: если органы дознания производят расследование более серьезных (опасных) преступлений по делам так называемой высшей подсудности, по которым производство предварительного следствия обязательно (108 ст.), то акты дознания должны рассматриваться как первичные, начальные акты, которые следователь должен проверить целиком, или, во всяком случае, дополнить их тремя обязательными актами: предъявлением обвинения обвиняемому, допросом обвиняемого и составлением обвинительного заключения (109 ст.). Если же органы дознания действуют по делам низшей подсудности (менее социально опасным), их акты дознания должны трактоваться как вполне самостоятельные и законченные материалы, которые могут служить основанием предания обвиняемых суду (98 ст.).

Однако, по существу, все акты дознания в смысле силы и доказательности их на судебном разбирательстве имеют равное значение с актами предварительного следствия»¹.

¹ Громов В. И. Дознание и предварительное следствие: Методика расследования преступлений: Осмотр места преступления: (Сб. научн. трудов). — М.: ЛексЭст, 2003. — С. 12–13.

Вышеприведенные доводы свидетельствуют о том, что процессуально закрепленная процедура деятельности органов дознания по своему существу перестала быть дознанием в первоначальном смысле этого слова и приобрела новое наполнение. Однако, по воле законодателя, мы вынуждены рассматривать нюансы этой деятельности, также называя ее дознанием, поскольку не смогли законотворцы найти для сконструированного регламента другого понятия и отказались именовать этот вид деятельности следствием. По утверждению современника описываемого периода В. И. Громова: «согласно общему духу нашего УПК нет принципиальной разницы между органами дознания и органами следствия, представляющими собой лишь две ступени одного и того же процесса расследования»¹.

Он же, еще раз подчеркивая процессуальную идентичность деятельности следователей и дознавателей, пишет: «Так как в дальнейшем изложении будет идти речь о тех условиях, которые требуются при производстве всякого расследования, без отношения к тому органу, который его производит, а равно и о тех приемах, методах и формах расследования, которые являются общими как для органов предварительного следствия, так и органов дознания, — в дальнейшем изложении в целях упрощения терминологии и сокращения изложения мы будем употреблять слово «следователь», понимая под ним всякое лицо, производящее расследование по уголовному делу, будет ли это представитель судебной власти, следователь², или же представитель милиции, уголовного розыска, ГПУ и т. д.»³.

Из этого следует, что путем наделения органов дознания процессуальными полномочиями был создан параллельный следствию аппарат, который выполнял одинаковую со следо-

¹ Громов В. И. Указ. раб. — С. 12.

² Следователи по Положению о судоустройстве разделялись на три категории: народные следователи при народном суде, старшие следователи при губернском суде и следователи по важнейшим делам при Верховном суде и при народном комиссариате юстиции.

³ Громов В. И. Указ. раб. — С. 28–29.

вателями работу, но по специальной категории дел. Название эта деятельность получила — дознание, режим производства которого зависел от общественной опасности расследуемого преступления.

Критерий разграничения преступлений для определения вида дознания был слишком расплывчат. Этот критерий — высшая (по опасным преступлениям) и низшая (по менее социально опасным преступлениям) подсудность. Устанавливалось, что по делам «высшей» подсудности обязательно производство предварительного следствия, а это означало, что органы дознания вправе были до вступления в дело следователя производить только такие действия, которые необходимы «для облегчения дальнейшего расследования». По делам так называемой «низшей» подсудности производства предварительного следствия не требовалось, и органы дознания уполномочивались производить расследование от начала и до конца, то есть в полном объеме, выполняя те же следственные действия, что и следователь, после чего расследуемое уголовное дело поступало в суд, где на основании собранных материалов принималось решение по существу дела.

Интересным представляется обоснование разграничения дел на те, по которым следствие обязательно, и те, по которым оно не требуется, дававшееся в юридической литературе того периода. Разъяснялось, что производство предварительного следствия обязательно по делам наиболее сложным и важным, дознание же производится по всем другим делам низшей подсудности, расследование которых не нуждается в сложной и часто громоздкой и длительной технической работе предварительного следствия. Отсюда делался вывод, что фактически дознание почти всегда является простейшей и окончательной формой расследования, что различие органов дознания и предварительного следствия заключается лишь в масштабе, в объеме работы. В. И. Громов, прибегая в этом случае к сравнению, иллюстрирует различие следующим образом: «...можно было бы органы дознания и предварительного следствия

наглядно сравнить со строителями, возводящими здание для жилья: следователь — это искусный инженер, строящий многоэтажный каменный дом по всем правилам строительной техники, с прочными монументальными сводами, с подъемными лифтами, водопроводными кранами и сложным центральным отоплением; орган же дознания — это опытный плотник, сколачивающий легкую деревянную постройку дома с простыми печами, чуланами, клетями и необходимыми хозяйственными пристройками»¹.

Таким образом, первыми советскими процессуальными законами административная составляющая понятия «дознание» выхолощена окончательно, и теперь «дознание» — это всегда только процессуальная деятельность по расследованию преступлений, производимая не следователями, а специально на то уполномоченными субъектами. Впервые законодательно были определены два вида такого дознания: дознание по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно (то есть дознание в полном объеме) и дознание по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно (то есть выполнение по таким делам органами дознания лишь неотложных следственных действий). «Существование двух вышеуказанных видов дознания, — констатирует В. М. Лукин, — стало характерным для всего последующего развития советского уголовного процесса. Наметилась явная тенденция стирания граней между дознанием и предварительным следствием...». Он же отмечает, что при этом «дознание... превратилось в полную противоположность тому дознанию, которое имело место в пореформенном уголовном процессе дореволюционной России. Основная идея реформы

¹ Громов В. И. Указ. раб. — С. 19–20. Вновь несколько опережая события, хочется отметить перекликающуюся с приведенным сравнением оценку современного дознания, даваемую Б. Т. Безлепкиным, который в своем издании 2008 г. называет сформировавшийся по УПК РФ 2001 г. институт дознания еще одним ведомственным следственным аппаратом, только «второго сорта» (См.: Безлепкин Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. — М.: ТК Велби, Проспект, 2008. — С. 26–27).

1860 г. — отделение полиции от следствия — была окончательно похоронена»¹. Если продолжить с использованием терминологии процитированного автора, то можно сказать, что траурным аккомпанементом при этом прозвучало решение о необходимости дальнейшего сближения дознания и предварительного следствия, которое было принято на 5-м Всероссийском съезде деятелей юстиции в 1924 году². На этом же съезде А. Я. Вышинский поднял вопрос о передаче следственного аппарата в полное административное и оперативное подчинение прокуроров.

16 октября 1924 г. на второй сессии ВЦИК РСФСР одиннадцатого созыва принимается постановление о внесении изменений в УПК РСФСР, согласно которым ответственность за руководство дознанием возлагается на следователя и осуществляется под общим надзором прокуратуры³.

3 сентября 1928 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР были внесены изменения в Положение о судопроизводстве РСФСР, предусматривающие выведение следователей из ведения судов и их полное подчинение прокурорам⁴. Однако некоторое время подконтрольность следователей Наркомюсту и Советам еще сохранялась, поскольку прокуратура оставалась в структуре Наркомата юстиции. 20 июня 1933 г. постановлением ЦИК и СНК СССР была учреждена Прокуратура СССР как самостоятельный орган, независимый от Верховного суда СССР⁵, но во всех союзных республиках прокуроры и следователи по-прежнему оставались в системе наркоматов юстиции этих республик. И только 20 июля 1936 г. в связи с обра-

¹ Лукин В. М. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. — СПб., 2004. — С. 3, 6.

² См.: Материалы 5-го Всероссийского съезда деятелей юстиции // История советской прокуратуры в важнейших документах. — М., 1974. — С. 334.

³ См.: Дармаева В. Д. Следователь в уголовном судопроизводстве. — М.: Московский психолого — социальный институт, 2007. — С. 29.

⁴ СУ РСФСР. 1928. №117. Ст. 733.

⁵ СЗ СССР. 1933. №40. Ст. 239.

зованием Наркомата юстиции СССР из системы народных комиссариатов юстиции союзных и автономных республик были выведены органы прокуратуры и следствия с подчинением их непосредственно Прокурору Союза ССР¹.

В результате таких изменений и предварительное следствие, и дознание, в отличие от дореволюционного периода, стали осуществлять только административные органы. К тому же, как напоминает Б. Я. Гаврилов, в этот период органами милиции дознание проводилось по основной массе общеуголовных преступлений, «материалы которого направлялись прокурору, а после утверждения им обвинительного заключения — в суд. Прокурор мог поручить милиции расследование любого уголовного дела в полном объеме»². Описывая сложившийся порядок расследования уголовных дел в это время, Л. В. Павлухин отмечает, что между предварительным следствием и дознанием практически не было разграничения. «Существовала неопределенность в правах участников уголовного процесса, что нередко приводило к нарушению законности, ущемлялись процессуальные гарантии, предусмотренные законом»³.

Несмотря на законодательно установленный порядок судопроизводства, в том числе и досудебного, в 30–40 годы XX века при затяжной государством борьбе с «врагами народа» допускается упрощение процедуры, как расследования уголовных дел, так и судебного разбирательства. В этом случае бессмысленно говорить о какой-то определенной форме расследования: будь то следствие или дознание. Как свидетельствует И. Л. Петрухин, «деятельность «особых совещаний», «троек» и «двоек», рассматривавших в те годы основную массу дел в отношении «врагов народа», вообще происходила за пределами

¹ СЗ СССР. 1936. №40. Ст. 338.

² Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. — М.: ТК Велби, Проспект, 2008. — С. 71–72.

³ См.: Павлухин Л. В. Развитие института дознания по делам, предварительное следствие по которым не обязательно: Сб. работ юрид. факультетов. — Томск, 1970. — С. 138.

уголовно-процессуальной формы»¹. Согласно чрезвычайному постановлению ЦИК от 1 декабря 1934 г. по таким делам срок расследования не должен был превышать 10 дней, рассматривались дела в закрытых заседаниях при запрете иметь защитника, обжалование приговора не допускалось, ходатайства о помиловании исключались и в исполнение приговоры приводились немедленно. Несмотря на то, что законодательно предварительное расследование по-прежнему состояло из предварительного следствия и дознания, по большинству уголовных дел производилось дознание. «В этой связи, — указывают специалисты, — в 40–50-х гг. XX в. в милиции ведомственным приказом были созданы свои следственные аппараты, руководимые следственным отделом Главного управления милиции НКВД (МВД, МООП) СССР»².

В послевоенные годы, не взирая на то, что следственный аппарат формально оставался сосредоточенным в прокуратуре (не считая органы государственной безопасности, также располагавшие своим следственным аппаратом), подавляющее большинство дел об общеуголовных преступлениях по-прежнему расследовалось в форме дознания, которое по процессуальному регламенту практически не отличалось от предварительного следствия. То есть деление досудебного производства по уголовным делам на две формы — дознание и предварительное следствие — потеряло смысл. Сложившееся положение в совокупности с необходимостью адекватного реагирования на общепризнанные правовые документы международных организаций и объединений, к которым присоединился СССР, знакомство с зарубежным опытом построения судопроизводства потребовали пересмотра организации не только предварительного расследования преступлений, но и уголовного процесса в целом.

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / Отв. ред. И. Л. Петрухин. — М.: ТК Велби, Проспект, 2006. — С. 9 (автор главы — И. Л. Петрухин).

² См.: Гаврилов Б. Я. Указ. раб. — С. 72.

§3. СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ДОЗНАНИЯ ПО УПК РСФСР 1960 г.

Перестройка уголовно-процессуального законодательства происходила в период так называемой хрущевской «оттепели» и потому она не могла не воспринять направление на гуманизацию уголовной политики, не учитывать устоявшиеся международные стандарты в этой сфере. Кодификация законодательства была проведена в 1958–1961 годах и началась принятием 25 декабря 1958 г. Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а на их базе — 27 октября 1960 г. — Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Одним из важных достижений данного кодекса признают устранение последствий сталинского террора путем закрепления в УПК единой и обязательной уголовно-процессуальной формы¹. Отмечаются и другие, как достоинства, так и недостатки этого законодательного акта, которому также была уготована, как и предыдущему УПК РСФСР 1923 г., долгая жизнь. УПК РСФСР 1960 г. действовал без малого 42 года. «Практически все современные ученые в сфере уголовного процесса и практические работники органов уголовного судопроизводства, — пишет В. М. Лукин, — воспитаны на идеях этого кодекса»². И с таким мнением трудно не согласиться.

Применительно к закреплению порядка досудебного производства УПК РСФСР 1960 г. изначально четко разграничил предварительное расследование на две формы: предварительное следствие и дознание, а дознание, в свою очередь, подразделил на дознание по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно (ст. 119), и дознание по делам, по которым производство пред-

¹ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / Отв. ред. И. Л. Петрухин. — М.: ТК Велби, Проспект, 2006. — С. 9–10.

² Лукин В. М. Указ. раб. — С. 6.

варительного следствия не обязательно (ст. 120)¹. В то же время понятия «дознание» закон не содержал. Из смысла же регламентированной как дознание деятельности вытекало, что дознанием вновь признавалось выполнение только процессуальных действий органами дознания. О первоначальной сущности дознания в виде чисто административной деятельности речи не шло. Хотя некоторые сугубо административные действия были включены в УПК и определялся порядок их производства, к дознанию они не относились, а составляли суть проверочной деятельности по поступившим заявлениям и сообщениям о любом совершенном или готовящемся преступлении на стадии возбуждения уголовного дела. Прокурор, следователь, орган дознания и судья, согласно ст. 109 УПК, обязывались принять такие заявления и сообщения и в срок не более трех, а в исключительных случаях — не более десяти суток принять по ним соответствующее решение. Средствами проверки поступившей информации закон закреплял как раз таки административные действия в виде истребования необходимых материалов и получения объяснений, но без производства следственных действий.

А ведь именно подобная процедура действий изначально и получила название дознания.

Комментарии УПК тех лет разъясняли, что «недопустимость прибегать для проверки материалов к производству следственных действий практически означает, что получение объяснений не может производиться путем допросов и очных ставок, а получение необходимых материалов — при помощи обысков, выемок, экспертиз». Кроме того, указывалось, что, «проверяя заявление и сообщение о преступлениях... органы дознания в целях обнаружения признаков преступления мо-

¹ Здесь и далее применяется раздельное написание словосочетания «не обязательно» как это было принято в тексте УПК РСФСР 1960 г. и в юридической литературе до принятия УПК РФ 2001 г., в котором частица «не» стала писаться слитно.

гут применять меры оперативного характера»¹. И в то же время всему этому набору средств проверки сообщений о преступлении придавался процессуальный смысл, поскольку сущностью стадии возбуждения уголовного дела видели быстрое и обоснованное реагирование «уголовно-процессуальными средствами... на каждый случай обнаружения признаков преступления»². Здесь уместно еще раз вспомнить уже приводившееся мнение А. И. Трусова о том, что стадия возбуждения уголовного дела в нашем уголовном процессе явилась продуктом перерождения института дознания, предусмотренного дореволюционным законодательством³.

Обоснованность закрепления именно в УПК административного порядка проверки содержащейся в заявлениях и сообщениях информации о преступлении вызывает споры до сих пор, но это случившийся факт, который, как известно, продолжает иметь место и в действующем УПК РФ⁴. Расширение в 2013 году внесенными в УПК РФ изменениями средств проверки сообщений о преступлении новыми допускаемыми до возбуждения уголовного дела действиями лишь усиливает актуальность этой проблемы.

Фактически похожая на дознание в его первоначальном смысле деятельность в УПК РСФСР 1960 г. закреплялась в

¹ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. А. М. Рекункова, А. К. Орлова. — М.: Юрид. лит., 1985. — С. 200.

² Там же. — С. 194.

³ Трусов А. И. Проект УПК: готов ли он стать законом? // Следователь. — 1997. — №2. — С. 13.

⁴ О непроцессуальном характере стадии возбуждения уголовного дела говорится, например, в современной учебной литературе. Так, в издании Института государства и права Российской академии наук сказано: «Некоторые институты, предусмотренные УПК, в сущности, не являются процессуальными, так как они применяются вне процессуальных форм. Стадия возбуждения уголовного дела хотя и предусмотрена Кодексом, но состоит в проверочных действиях, лишенных процессуальной формы (получение объяснений у очевидцев, истребование документов и т. п.) (См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учеб. / Л. Н. Башкатов [и др.]; отв. ред. И. Л. Петрухин. — М.: ТК Велби, Проспект, 2006. — С. 10).

стадии возбуждения уголовного дела, однако дознанием не являлась, к ее осуществлению помимо органов дознания обязывались прокуроры, следователи и даже суд или судья, а самостоятельная глава «Дознание» начиналась с указания на те органы, которые признавались органами дознания с последующим закреплением их полномочий в зависимости от вида дознания.

В соответствии с ч. 1 ст. 119 УПК РСФСР 1960 г. при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, орган дознания уполномочивался возбудить уголовное дело и, руководствуясь правилами уголовно-процессуального закона, произвести неотложные следственные действия по установлению и закреплению следов преступления. Данная норма к числу следственных действий, которые в качестве неотложных может производить орган дознания, относил осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей.

Законом СССР от 12 июня 1990 г. «О внесении изменений и дополнений в ст. 19 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» перечень неотложных следственных действий, производимых органом дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно, был дополнен прослушиванием телефонных и иных переговоров, наложением ареста на имущество и в случае необходимости назначением экспертизы. Однако в УПК РСФСР аналогичные изменения внесены не были и перечень неотложных следственных действий остался прежним. Этот перечень являлся исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежал, что означало невозможность для органов дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно, производить другие следственные действия.

В целях обеспечения прокурорского надзора за законностью орган дознания обязывался немедленно уведомить прокурора об обнаружении преступления и начале дознания. В

соответствии со ст. 121 УПК дознание в этом виде должно было быть закончено не позднее десяти суток со дня возбуждения уголовного дела. Продлению этот срок не подлежал. Прокурор мог дать указание о направлении дела следователю и до истечения десятидневного срока. Если орган дознания выполнял неотложные следственные действия ранее этого срока, он обязывался немедленно направить дело следователю, не ожидая указания прокурора или истечения десятидневного срока. Кроме того, ст. 127 УПК наделяла следователя правом по делам рассматриваемой категории в любой момент приступить к производству предварительного следствия, не дожидаясь выполнения органами дознания неотложных следственных действий. Другими словами, следователь мог в любой момент изъять из производства органа дознания возбужденное им дело, по которому производство предварительного следствия являлось обязательным, и принять его к своему производству на чем, собственно, этот вид дознания и оканчивался.

После того как дело передавалось следователю, орган дознания действовал по нему в зависимости от результата проведенного дознания. Если в ходе дознания было обнаружено лицо, совершившее преступление, орган дознания мог производить розыскные или следственные действия по делу только по поручению следователя. Если лицо, совершившее преступление, в ходе дознания установить не представлялось возможным, орган дознания и после передачи дела следователю продолжал оперативно-розыскные мероприятия для установления преступника, уведомляя следователя об их результатах. Следственные же действия орган дознания мог производить во всех случаях только по поручению следователя.

В результате можно говорить, что данный вид дознания носил факультативный характер, потому как по этой категории дел орган дознания лишь в тех случаях возбуждал уголовное дело и производил дознание, когда преступление обнаруживалось в ходе его основной деятельности, по нему требовалось производство неотложных следственных действий «по

горячим следам», а следователь по объективным причинам не мог приступить к расследованию дела с самого начала. Если же следователь сам возбуждал уголовное дело и приступал к расследованию, дознание по этому делу не производилось, а орган дознания мог выполнять лишь поручения и указания следователя о производстве оперативно-розыскных и следственных действий.

Этот вид дознания, разъяснялось в комментарии к ст. 119 УПК РСФСР 1960 г., «нельзя рассматривать как обязательный первоначальный этап предварительного следствия. Дознание предшествует предварительному следствию лишь в случаях, когда орган дознания первым получил сведения о преступлении либо когда прокурор, возбудив дело, счел необходимым до передачи его следователю поручить органу дознания производство неотложных следственных действий и принятие оперативно-розыскных мер»¹. Естественно, что орган дознания не вправе был приостановить или прекратить производство по такой категории дел, так как при этом его компетенция исчерпывалась производством неотложных следственных действий. Завершалось дознание в этом случае согласно ч. 1 ст. 124 УПК составлением постановления о направлении дела следователю.

Определяя содержание данного вида дознания, в него включали:

1. Возбуждение уголовного дела и проведение неотложных следственных действий, когда в этом возникала необходимость, в целях установления и закрепления следов преступления.
2. Выполнение поручений и указаний следователя о производстве оперативно-розыскных и следственных действий;
3. Оказание содействия следователю при производстве им отдельных следственных действий.

С разновидностью действий при таком виде дознания,

¹ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. А. М. Рекункова, А. К. Орлова. — М.: Юрид. лит., 1985. — С. 214–215.

указанных в пункте 1, нельзя не согласиться. Что же касается оказания содействия следователю при производстве им отдельных следственных действий и выполнения его поручений и указаний о производстве оперативно-розыскных и следственных действий, то, представляется, что их включение в содержание описываемого вида дознания необоснованно. Во-первых, потому что право оказывать следователю помощь при производстве им отдельных следственных действий могло возникнуть у органа дознания только тогда, когда следователь прибегал к реализации своих полномочий требовать от органов дознания такого содействия (ч. 4 ст. 127 УПК). С таким требованием следователь мог обращаться к органу дознания по любому находящемуся в его производстве делу, а не только по тому, которое возбуждалось органом дознания и передавалось затем следователю.

Во-вторых, выполнение следственных действий, а тем более оперативно-розыскных мероприятий по поручению следователя после передачи ему возбужденного органом дознания дела — это ведь уже не дознание. Дознание завершалось, как это и закреплено статьей 124 УПК, составлением постановления о направлении дела следователю.

Ну и, в-третьих, не согласиться с изложенными возражениями — значит признать абсурдный факт, что по одному и тому же уголовному делу одновременно может производиться и дознание, и предварительное следствие. К тому же трудно себе представить, как может производиться дознание по делу, которое не находится в производстве органа дознания, а уже принято к производству и расследуется следователем.

Розыскные действия, на возможность производства которых ссылается законодатель при регламенте дознания, часто воспринимали как его составную часть и видели даже в этом преимущество. Так, например, В. М. Тертышник в авторском учебном издании по уголовному процессу подчеркивал: «...лицо, производящее дознание, одновременно осуществляет и процессуальную, и оперативно-розыскную функции,

имеет возможность сочетать осуществление оперативных мероприятий и следственных действий.

Такое сочетание в одном лице оперативных и процессуальных полномочий позволяет оперативно реагировать на заявления и сообщения граждан или факты непосредственного обнаружения признаков преступления, наиболее оптимальным путем реализовать оперативные данные, а в конечном итоге своевременно пресекать, быстро и полно раскрывать преступления, обеспечивать надлежащую защиту прав и законных интересов граждан»¹. Ошибочность такого утверждения очевидна. Закон правом принятия необходимых оперативно-розыскных мер (ч. 1 ст. 118 УПК) или производства розыскных действий (ч. 4 ст. 119 УПК) наделяет не лицо, производящее дознание, а орган дознания, вменяя ему в обязанность помимо производства дознания еще и выполнение без того ему присущей функции — оперативно-розыскных мероприятий. Орган дознания, как известно, объединяет помимо лиц, производящих дознание, еще весьма обширный и разнообразный круг сотрудников. И если одному из таких сотрудников поручается произвести дознание по делу, то он становится лицом, производящим дознание, и вправе по этому делу заниматься только процессуальной деятельностью, поскольку дознание — по воле законодателя — сугубо процессуальная деятельность. А вот другие сотрудники того же органа дознания вправе при необходимости в помощь лицу, производящему дознание, выполнять по находящемуся в его производстве делу оперативно-розыскные мероприятия. Но от этого данные мероприятия не становятся дознанием. Каждый из должностных лиц органа дознания выполняет присущие ему функции, связанные с расследованием конкретного уголовного дела. Смещение в одном лице органа дознания нескольких функций, присущих данному органу в целом, яв-

¹ Тертышник В. М. Уголовный процесс: Уч. пос. — Харьков: Арсис, 1997. — С. 217–218.

ляется неправильным¹.

Таким образом, если попытаться изложить более или менее полную систему возможных действий лица, производящего дознание, по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, то в нее могут быть включены следующие:

- 1) возбуждение уголовного дела;
- 2) предупреждение готовящегося и пресечение совершаемого преступления;
- 3) осмотр места происшествия и следов преступления;
- 4) установление и закрепление других доказательств, могущих быть утраченными в случае промедления, путем производства необходимых и разрешенных следственных действий, именуемых неотложными;
- 5) задержание в случае необходимости и при наличии к тому оснований виновного лица;
- 6) направление уголовного дела в установленные сроки следователю для производства дальнейшего расследования.

В этом и состояла суть такого вида дознания, как дознание по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно.

Другой вид дознания по УПК РСФСР 1960 г. состоял в расследовании органом дознания уголовных дел, по которым производство предварительного следствия не обязательно.

При характеристике данного вида производства подчеркивалось, что в этом случае лицо, производящее дознание, заменяет следователя и проводит расследование в полном объеме.

«Во втором случае, когда предварительное следствие не обязательно, — отмечалось в подготовленном коллективном авторов учебнике по уголовному процессу, — лицо, произво-

¹ Во избежание толкования полномочий органа дознания при осуществлении расследования им уголовного дела аналогично приведенному Тертышником В. М., в последующем УПК (УПК РФ 2001 г.) отдельно закреплено, что не может производить дознание лицо, которое осуществляло по этому делу оперативно-розыскные мероприятия (ч. 2 ст. 41 УПК РФ).

дящее дознание, осуществляет полномочия следователя, т. е. принимает все предусмотренные законом меры для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, вступая примерно в такие же правоотношения, как и следователь. При этом все производство по делу ведется в соответствии с требованиями УПК, материалы дознания являются основанием для рассмотрения дела в суде»¹. В другом учебнике подытоживалось: «Следовательно, по делам, по которым не обязательно предварительное следствие, органы дознания полностью заменяют следователя и проводят предварительное расследование в полном объеме»².

Вторили учебной литературе комментарии к УПК: «Собирание, закрепление, проверка и оценка доказательств, избрание, изменение или отмена меры пресечения, предъявление обвинения, предъявление материалов обвиняемому для ознакомления и т. д. осуществляется по правилам, предусмотренным для предварительного следствия»³.

Естественно, напрашивается вопрос: а зачем нужен был вид производства по делу, дублирующий, повторяющий предварительное следствие? В. М. Тертышник, например, анализируя закрепленные полномочия применительно к системе МВД, констатировал: «По существу, это равносильно созданию в МВД еще одного непрофессионального следственного подразделения, сотрудники которого «уже не оперативники и еще не следователи» призваны работать на самом ответственном этапе расследования»⁴. Напомним в этой связи и мнение Б. Т. Безлепкина, который последовательно проводит в своих работах мысль о том, что закрепление за органом дознания сугубо процессуальных полно-

¹ Уголовный процесс. Общая часть. Учебник для учащихся вузов. — М.: Спарк, 1997. — С. 88.

² Уголовный процесс Российской Федерации. Краткий учебник. — М.: МНЭПУ, 1995. — С. 144.

³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Отв. ред. В. И. Радченко; Под ред. В. Т. Томина. — М.: Юрайт, 1999. — С. 223.

⁴ Тертышник В. М. Указ. раб. — С. 218.

мочий по расследованию уголовных дел «...означает наличие органа расследования внутри органа дознания, причем с чисто следственным характером деятельности (еще один ведомственный следственный аппарат, только «второго сорта»)»¹. К тому же практика применения УПК РСФСР 1923 г., как было показано выше, при аналогичном регламенте производства дознания привела к полному слиянию предварительного следствия и дознания.

Следовательно, новый, пусть и чисто процессуальный режим дознания, имел бы смысл лишь тогда, когда его порядок производства чем-либо отличался бы от порядка осуществления предварительного следствия. Известно, что конструирование отличных от предварительного следствия процессуальных процедур расследования уголовных дел изначально преследует цель высвобождения следственных органов от работы по малозначительным преступлениям и сосредоточения их усилий на раскрытии и расследовании дел о более сложных и тяжких преступлениях. Параллельно с этим предпринимается попытка реализовать идею о приближении возмездия за преступление к моменту его совершения, что, по общему мнению, повышает профилактический эффект всего судопроизводства и способствует эффективному достижению такой цели наказания, как предупреждение совершения новых преступлений. Воплощение такой идеи в жизнь требовало упрощения процедуры расследования и как следствие — сокращения сроков производства по делу. Думается, что с учетом, в том числе и изложенных соображений, основные отличия дознания этого вида от предварительного следствия были закреплены в самой норме, регламентирующей указанный вид дознания. Статья 120 УПК РСФСР 1960 г. первоначально указывала на три таких различия:

- 1) при производстве дознания защитник не участвует;

¹ Безлепкина Б. Т. Уголовный процесс России: Учеб. пособие. — М.: КНОРУС, 2006. — С. 69–70. См. также его: Настольная книга следователя и дознавателя. М: ТК Велби, изд-во «Проспект», 2008. — С. 27.

2) потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители извещаются об окончании дознания и направлении дела прокурору, но материалы дела для ознакомления им не предъявляются;

3) на органы дознания не распространяются правила, установленные частью второй статьи 127 настоящего Кодекса. При несогласии с указаниями прокурора орган дознания вправе обжаловать их вышестоящему прокурору, не приостанавливая выполнения этих указаний.

Срок дознания по такой категории дел согласно ч. 2 ст. 121 УПК не должен был превышать один месяц, в то время как для производства предварительного следствия устанавливалось два месяца.

Однако вряд ли можно признать закрепленные исключения из общих правил производства предварительного следствия такими, которые существенно упрощают процедуру расследования дела и обеспечивают возможность при дознании в два раза быстрее выполнять все требуемые УПК процессуальные действия. Наоборот, в меньшей по сравнению со следователем процессуальной самостоятельности лица, производящего дознание, можно усмотреть препятствие на пути быстрого расследования. Тем более, что процессуальная ограниченность лица, производящего дознание, выражалась не только в его обязанности, не приостанавливая выполнять все указания прокурора, но еще и в зависимости от начальника органа дознания при принятии ряда процессуальных решений. Так как УПК РСФСР определенные полномочия адресовал не непосредственно лицу, производящему дознание, а органу дознания в целом, то и юридическую силу решения таких лиц приобретали только после их утверждения начальником органа дознания. Например, право возбудить уголовное дело (ст. 112 УПК), задержать подозреваемого в совершении преступления (ст. 122 УПК) закреплялось за органом дознания, что и влекло необходимость утверждения или согласования таких решений, принимаемых лицом,

производящим дознание, у начальника органа дознания. Практика пошла даже дальше УПК и ведомственными нормативными предписаниями устанавливался перечень процессуальных актов, исходящих от лиц, производящих дознание, требующих утверждения у начальника органа дознания, хотя из УПК такая необходимость не следовала. Например, в Примерном положении об организации работы специализированных подразделений дознания милиции общественной безопасности (местной милиции), утвержденном приказом МВД РФ от 16.10.92 г. №368, в пункте 4.2. закреплялось, что начальник милиции общественной безопасности утверждает вынесенные дознавателем постановления:

1. О передаче заявления или сообщения о преступлении по подследственности или подсудности.

2. О возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела.

3. О производстве обыска, выемки, освидетельствования.

4. О наложении ареста на имущество.

5. О привлечении лица в качестве обвиняемого.

6. Об отстранении обвиняемого от должности.

7. О приводе обвиняемого или свидетеля.

8. Об избрании, изменении или отмене в отношении обвиняемого или подозреваемого меры пресечения.

9. О направлении обвиняемого (подозреваемого), не находящегося под стражей, в медицинское учреждение для производства стационарной судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы.

10. Об этапировании.

11. О продлении срока дознания или срока содержания под стражей.

12. О направлении дела по подследственности.

13. О прекращении, приостановлении, возобновлении производства по делу.

14. О розыске обвиняемого.

Дознаватель обязывался также утвердить у начальника ми-

лиции общественной безопасности протокол о задержании лица, подозреваемого в совершении преступления, и обвинительное заключение.

На такую же необходимость стали указывать и в отдельных источниках юридической литературы¹.

Далее, можно ли считать недопуск защитника в процесс производства дознания упрощением процессуальной формы? Если исходить из известного, но редко цитируемого высказывания В. И. Ленина о том, что «адвокатов надо брать в ежовые рукавицы и ставить в осадное положение, ибо эта интеллигентская сволочь часто паскудничают»², то, наверное, да, так считать можно. Отсутствие защитника при дознании освобождало дознавателя от необходимости выполнения его ходатайств, обеспечивало быстроту (без помех) сбора доказательств и т. п. Однако именно это упрощение при производстве дознания с самого начала вызывало больше всего критических замечаний и обвинений в нарушении прав привлекаемых к уголовной ответственности лиц, в результате чего впоследствии и было исключено из УПК. Хотя ранее, по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., защитник вообще не допускался на этап досудебного производства, и это обстоятельство не расценивалось как кричащее ущемление прав и свобод подозреваемого или обвиняемого. Мотивы, по которым было отвергнуто предложение о допуске защитника, обсуждавшееся при принятии УУС 1864 г., излагались следующим образом: «На суде, где действует особый обвинитель, ему противопоставляется защитник обвиняемого, но при предварительном следствии весьма трудно поставить такого защитника в надлежащие границы и нельзя не опасаться, что он сочтет своею обязанностью противодействовать собиранию обличительных доказательств

¹ См.: Тертышник В. М. Указ. раб. — С. 43.

² Ленин В. И. Письмо Е. Д. Стасовой и товарищам в Московской тюрьме. 19. I. 1905 // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 9. — М.: Изд-во полит. лит-ры, 1972. С. 169–173.

и способствовать обвиняемому в сокрытии следов преступления»¹.

По этим же соображениям отказались и от «допущения к следствию» депутатов от сословий, так как «назначение депутатов может воспрепятствовать успеху законных действий обвинительной власти преждевременным оглашением обстоятельств, которые могут повести к изобличению виновного»².

На первых порах применения УПК РСФСР 1960 г. такое ограничение все-таки действовало, и вместе с непредставлением для ознакомления материалов дела по окончании дознания потерпевшему, гражданским истцу и ответчику или их представителям они составляли основные отличия от предварительного следствия. Эти же исключения из общих правил производства предварительного следствия являли собой упрощение расследования, отчего дознание по делам, не требующим предварительного следствия, иногда называли ускоренной формой расследования преступлений.

После допуска защитника на этап дознания законом РФ от 23 мая 1992 года ускорение производства по делу реально мог-

¹ См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. — С. 125 (*Цит. по:* Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. — СПб.: Равена, Альфа, 1995. — С. 783).

² Там же. Напомним, что Ф. М. Достоевский именовал адвокатов России XIX века «нанятой совестью», а М. Е. Салтыков-Щедрин отзывался о них следующим образом: «...прежде совсем не было адвокатов, а были люди, носившие название «ябедников», «приказных строк», «крапивного семени» и т. д., которые ловили клиентов по кабакам и писали неосновательную просьбу за косушку. Нынче и в Т. завелось до десяти «аблакатов», которые и за самую неосновательную просьбу меньше красненькой не возьмут» (Салтыков-Щедрин М. Е. *Благонамеренные речи*. — М.: Правда, 1984. — С. 129).

Не менее язвительны мнения о представителях адвокатской профессии и в настоящее время. В пятом номере журнала «Законность» за 1996 г. приводится подборка анекдотов об адвокатах, в одном из которых звучит вопрос: в чем разница между мертвой змеей, лежащей на дороге, и мертвым адвокатом, также лежащим на дороге? И дается такой ответ: Перед змеей видны следы торможения. (См.: *Законность*. — 1996. — №5. — С. 63). На пустом месте так долго и так одинаково отрицательные отзывы о профессиональных субъектах защиты основываться не могут.

ло быть обеспечено только за счет отнесения к дознавательской подследственности уголовных дел о преступлениях, не представляющих сложности в расследовании. Специфическая категория дел, включаемая в перечень дел, по которым предварительное следствие являлось не обязательным, всегда признавалась еще одним отличием данного вида дознания. Эту категорию характеризовали как дела «...о тех преступлениях, которые обладают меньшей общественной опасностью по сравнению с теми, которые подведомственны органам предварительного следствия»¹. Однако четкого критерия разграничения преступлений по степени общественной опасности не было до принятия УК РФ 1996 года. Только после закрепления в этом УК классификации преступлений на категории (ст. 15 УК РФ) появилась возможность одинаковой характеристики преступлений, относимых к подследственности дознания. Стало возможным говорить, что к подследственности органов дознания относятся дела о преступлениях небольшой и средней тяжести.

Таким образом, систематизируя отличия дознания в полном объеме от предварительного следствия, получившие первоначальное закрепление в УПК РСФСР 1960 года, необходимо указать на следующие:

1) дознание в полном объеме допускалось по специальной категории дел, указываемой законодателем и признаваемой делами несложными в расследовании и о нетяжких преступлениях;

2) в процесс производства дознания защитник не допускался;

3) по окончании дознания потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик или их представители с материалами уголовного дела не ознакомливались, а лишь уведомлялись об окончании производства по делу;

4) срок дознания ограничивался одним месяцем, в то время как предварительное следствие могло производиться два месяца;

¹ См., например: Правоохранительные органы: Учебник / Под общ. ред. Н. А. Петухова и Г. И. Загорского. — М.: Изд.-торг. корп. «Дашков и Ко», 2005. — С. 402.

5) лицо, осуществляющее дознание, не пользовалось процессуальной самостоятельностью в том объеме, которым обладал следователь.

Дознание в неполном объеме или по делам, производство предварительного следствия по которым было обязательным, заключалось в выполнении строго ограниченных неотложных следственных действий в срок не более 10 суток с обязательной передачей уголовного дела для дальнейшего расследования соответствующему следователю.

Поскольку рассматриваемым законом (УПК РСФСР 1960 г.) само понятие дознания не закреплялось, теория уголовного процесса указанному способу расследования уголовных дел пыталась дать свое определение, ученые стремились показать свое видение такого производства. И в этом случае как никогда нашел подтверждение устоявшийся афоризм: два юриста — три мнения. Несмотря на то, что из УПК довольно определенно следовала процессуальная сущность дознания, многие авторы продолжали включать в содержание дознания или настаивали на включении в понятие дознания оперативно-розыскной деятельности. Например, К. У. Умаров в 1968 году определял дознание как основанную на уголовно-процессуальном законе и подзаконных актах деятельность правомочных государственных органов по предупреждению, обнаружению, пресечению и расследованию преступлений, установлению, розыску и изобличению лиц, их совершивших, осуществляемую как оперативно-розыскными мерами, так и процессуальным путем¹.

На сочетание оперативно-розыскной и следственной функций как характерную черту дознания указывал и В. А. Иванов, определявший, что дознание — это «деятельность специально на то уполномоченных административных органов государства, сочетающая оперативно-розыскную и следственную функции и направленная на предупреждение,

¹ Умаров К. У. Органы милиции — основные органы дознания. — Ташкент, 1968. — С. 12.

пресечение и раскрытие преступлений, розыск и изобличение виновных»¹.

Близкое к названным формулировала понятие дознания Р. М. Готлиб, рассматривавшая его как регулируемую нормами права «деятельность специально уполномоченных государственных органов, осуществляемую оперативно-розыскными и процессуальными методами под надзором прокурора в целях обнаружения, раскрытия, предотвращения и пресечения преступлений»². Такого же мнения придерживался В. М. Семенов³.

В приведенных суждениях четко просматривается линия, казалось бы, на расширение понятия дознания за счет включения в него не только процессуальной деятельности, но и оперативно-розыскной. Однако А. Я. Дубинский правильно подмечал, что широкая трактовка понятия дознания сужает сферу деятельности органа дознания, поскольку при рассмотрении оперативно-розыскных мероприятий в качестве составной части дознания их применение ограничивается условиями, с которыми закон связывает начало и окончание производства дознания⁴.

Представляется, без особого труда заметно, что сформулированные сторонниками приведенной позиции определения дознания включали признаки, характеризующие деятельность и ее цели, присущие органу дознания в целом, а не саму деятельность по осуществлению дознания как формы предварительного расследования преступлений. О том, что оперативно-розыскные мероприятия не входят в дознание писали и пишут даже в учебной литературе. «Помимо выполнения общих с

¹ Иванов В. А. Дознание в советском уголовном процессе. — Л., 1966. — С. 8.

² Готлиб Р. М. Прокурорский надзор за исполнением законов при производстве дознания органами милиции: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1970. С. 4.

³ См.: Семенов В. М. Суд и правосудие в СССР. — М., 1984. — С. 253.

⁴ Дубинский А. Я. Исполнение процессуальных решений следователя. Правовые и организационные проблемы. — Киев, 1984. — С. 39.

органами предварительного следствия обязанностей, — отмечается в учебнике МГУ им. М. В. Ломоносова, — на некоторые органы дознания возлагается производство необходимой оперативно-розыскной деятельности в целях выявления и раскрытия преступлений, изобличения лиц, их совершивших. Эта деятельность не является дознанием, а относится к самостоятельным функциям органов дознания, предусмотренным Законом об оперативно-розыскной деятельности и другими актами»¹. А в другом учебнике можно даже найти объяснение причины, почему эта деятельность не может являться составной частью дознания: «...необходимо иметь в виду, что совмещение в рамках дознания при производстве расследования одним лицом, которое фактически имеет возможность не разграничивать процессуальные методы и непроцессуальные меры, таит в себе опасность нарушения законности»².

Ну и, чтобы покончить с оперативно-розыскной составляющей, навязываемой дознанию, хотелось бы сослаться на разделяемую нами позицию О. В. Мичуриной, которая обосновывает ее так: «...производство розыскных и следственных действий по поручению (указанию) следователя, а также оказание ему содействия при производстве отдельных следственных действий является одной из функций органа дознания, а не разновидностью дознания»³.

Другая сформировавшаяся после начала действия УПК РСФСР 1960 г. точка зрения на сущность дознания игнорировала второй его вид, т. е. дознание в полном объеме, и признавала дознанием только первоначальную стадию рассле-

¹ Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. — М.: Зерцало, 1997. — С. 171–172. См. также: Б. Т. Безлепкин. Уголовный процесс России: Учеб. пособие. — М.: КНОРУС, 2006. — С. 62.

² Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под ред. В. П. Божьева. — М.: Спарк, 2000. — С. 258.

³ Мичурина О. В. Процессуальные и организационные вопросы осуществления начальниками следственных изоляторов и лечебно — трудовых профилакториев функций органов дознания. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1993. — С. 19–20.

дования, предшествующую предварительному следствию, на которой допускалось лишь производство неотложных следственных действий. К основоположникам такого подхода, прежде всего, относят М. С. Строговича, который дознанием называл «этап расследования, предшествующий предварительному следствию, вспомогательный по отношению к нему и обеспечивающий для него первичный материал, собранный и зафиксированный по «горячим следам» и необходимый для успешного предварительного следствия»¹. Надо сказать, что М. С. Строгович являлся последовательным приверженцем именно такого толкования дознания, поскольку практически также он определял дознание и в период действия предыдущего уголовно-процессуального законодательства. Являясь автором понятия дознания, даваемого в Большой советской энциклопедии 1931 года издания, он разъяснял, что «дознание — это первоначальная стадия расследования, предшествующая предварительному следствию, имеющая целью зафиксировать следы преступления и создать базу для принятия неотложных мер к выявлению преступления и преступника»².

К сторонникам позиции, в соответствии с которой основной чертой дознания является неотложный характер действий, направленных на раскрытие преступлений и установление виновного лица, относятся также Д. М. Ларин, В. В. Осин и Ю. В. Деришев³. При этом последний из них считал, что производство неотложных или первоначальных следственных действий должно регулироваться не уголовно-процессуальным, а

¹ М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. — Т. 2. — М., 1970. — С. 27.

² См.: Большая советская энциклопедия. — М., 1931. — С. 289.

³ См.: Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. — М., 1970. — С. 14; Осин В. В. О сущности дознания и органов дознания // Проблемы предварительного следствия и дознания. — М.: ВНИИ МВД СССР, 1984. — С. 63; Деришев Ю. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России. Дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 1998. — С. 105.

административно-процессуальным законодательством и осуществляться под процессуальным надзором прокурора¹.

В 90-х годах XX века предпринималась попытка на законодательном уровне закрепить именно такую неотложную деятельность в качестве дознания, исключив дознание в полном объеме, т. е. отказаться от дознания как самостоятельной формы расследования. В. М. Савицкий в 1990 году рекомендовал сконструировать предварительное расследование таким образом, чтобы дознание выступало как первоначальный этап расследования, на котором добываются первичные материалы, фиксируются следы преступления. Данная рекомендация была учтена и такой тип дознания был отражен в теоретической модели Основ уголовно-процессуального законодательства СССР². Но положения этих Основ реализованы не были, и дознание оставалось урегулированным УПК РСФСР 1960 г. в описываемом виде.

Хотя еще одна часть ученых настаивала при этом на понимании дознания как деятельности по проверке заявлений и сообщений о преступлениях, а также по производству неотложных следственных действий³, т. е. на том понимании дознания, которое сложилось после принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 года с поправкой на непроцессуальной характер проверочной деятельности. А. М. Донцов, например, так представлял свой взгляд на дознание: «Дознание — это деятельность некоторых административных органов государства, вытекающая из задачи предупреждения, пресечения и обеспечения раскрытия преступлений, выполнение

¹ Деришев Ю. В. Указ. раб. — С. 105.

² См.: Савицкий В. М. Теоретическая модель нового уголовно-процессуального регулирования // Советское государство и право. — 1990. — №2. — С. 77–107.

³ См.: Донцов А. М. Проблема соотношения дознания и предварительного следствия в советском уголовном процессе. Дис. ... канд. юрид. наук. — Л., 1970. — С. 251; Сергеев А. Б. Проблемы процессуальной деятельности органов дознания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 1999. — С.14.

которой для одних из этих органов обуславливается непосредственно их назначением, а для других — особыми условиями, в которых они находятся, и заключающаяся в проверке по полученным сообщениям и заявлениям наличия события преступлений и в выявлении обстоятельств, препятствующих возникновению уголовного дела, путем проведения уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий, а также в обеспечении успешного ведения по уголовному делу предварительного следствия путем производства неотложных следственных действий»¹.

Таким образом, понятие дознания в изложенных суждениях интерпретировалось в трех основных плоскостях:

1. Дознание включает в себя помимо процессуальной деятельности еще и производство оперативно-розыскных мероприятий.

2. Дознание являет собой первоначальную стадию расследования уголовного дела, предшествует предварительному следствию и заключается только в производстве неотложных следственных действий.

3. Дознание есть деятельность по проверке заявлений и сообщений о преступлениях, а также производство неотложных следственных действий.

Если же вернуться к буквальному толкованию дознания в соответствии с закрепленным в УПК РСФСР 1960 г. порядком его осуществления, то его содержание отражает следующее определение. Дознание — это регулируемая только УПК РСФСР уголовно-процессуальная деятельность уполномоченных на то органов и должностных лиц, представляющая собой либо первоначальный этап расследования подследственного следователю уголовного дела посредством выполнения неотложных следственных действий для раскрытия преступлений, обнаружения и возможного задержания преступника, либо ускоренное расследование в полном объеме несложных дел, не требующих по закону предварительного следствия.

¹ Донцов А. М. Указ. раб. — С. 251.

Глава II

Дознание по действующему УПК РФ и отдельные проблемы его осуществления

§1. МЕТАМОРФОЗЫ¹ ДОЗНАНИЯ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«Кардинал де Рец рекомендовал французским депутатам воздерживаться от законодательных упражнений перед обедом, поскольку в это время голод господствует над разумом. Кажется, УК РФ 1996 г. принят натошак!»

А. И. Бойко²

Цитата в начале параграфа намекает на невысокое качество законотворчества при принятии Уголовного кодекса РФ. Подтвердить это можно ссылками и на другие источники³, однако, к сожалению, наш за-

¹ Метаморфоза — коренное изменение кого-, чего-либо; превращение (См.: Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — М.: Ридерз Дайджест, 2004. — С. 345).

² Бойко А. И. Репетиториум по Общей части уголовного права. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 2005.

³ Вот что, например, пишет по этому поводу доктор юридических наук, профессор И. Н. Сенякин: «Негативное влияние на качество законодательства оказывают частые поправки, дополнения, изменения законов. ...Например, согласно Федеральному закону от 8 декабря 2003 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» изменения внесены в 257 статей УК РФ из имеющихся 360. А если учесть, что в течение пяти лет действия нового УК РФ в него и ранее вносились изменения, то подобная модернизация, в конечном счете, коснулась каждой его статьи» (См.: Климова Г. З., Сенякин И. Н. Реабилитация как правовой институт (вопросы теории и практики). Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права. 2005. — С. 51).

конодатель не очень восприимчив к критике. Принимая спустя пять лет другой фундаментальный закон в области уголовной юриспруденции — Уголовно-процессуальный кодекс (принят в декабре 2001 г., вступил в силу с 1 июля 2002 г.), им не были учтены уроки прошлых просчетов. Корректировки нового УПК РФ начались еще до вступления его в законную силу. Не прекращаются они и сейчас. Причина этому, как представляется, в забвении прошлых устоявшихся процессуальных процедур, отходе от продуманных и взвешенных предложений.

В предшествовавшем принятому УПК РФ проекте этого законодательного акта, дознание по делам, по которым предварительное следствие необязательно, прогнозировалось таким образом, чтобы создать отличный от предварительного следствия и реально упрощенный вид производства по уголовным делам, чтобы вывести из-под удара критики наиболее уязвимые стороны существовавшего дознания, чтобы сохранить в новом виде расследования хорошо зарекомендовавшие себя элементы протокольной формы досудебной подготовки материалов. При этом закладывалось, что данный вид производства должен быть быстрым и эффективным, а значит производиться по упрощенной процедуре, что позволит приблизить наказание ко времени совершения преступления и тем самым повысить предупредительный эффект уголовной ответственности, кроме того, позволит разгрузить следственный аппарат, сосредоточить усилия следователей на расследовании тяжких и особо тяжких преступлений. Однако те ожесточенные споры, которые проходили накануне принятия нового УПК, не могли не сказаться на порядке окончательного формирования тех или иных институтов уголовного процесса, в том числе и на окончательном регламенте дознания. «Принятый в такой обстановке новый уголовно-процессуальный закон, — отмечал в своей концептуальной статье С. А. Шейфер, — не мог не быть компромиссом между противоборствующими силами»¹.

¹ Шейфер С. А. Куда движется российское судопроизводство? (Размышления по поводу векторов развития уголовно-процессуального законодательства) // Государство и право. — 2007. — №1. — С. 28.

В результате во вступившем в действие с 1 июля 2002 г. УПК РФ дознанием признается только деятельность по расследованию уголовных дел, предварительное следствие по которым необязательно.

Следует это из впервые на законодательном уровне сформулированного понятия «дознание». Пункт 8 ст. 5 УПК РФ определяет дознание как форму предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем) по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно. Таким образом, новый уголовно-процессуальный закон сузил пределы понятия «дознание», определяя его сущность только одним видом деятельности органа дознания, а именно — расследованием преступлений в полном объеме. Другой вид деятельности органов дознания — производство неотложных следственных действий по уголовным делам о преступлениях, подследственных следователю — перестал входить в понятие «дознание», хотя сама эта деятельность осталась присуща органам дознания.

Тем не менее УПК РФ 2001 года во многом повторил положения УПК РСФСР. Поскольку, во-первых, было сохранено расследование преступлений, не представляющих большой общественной опасности, в форме дознания (п. 8 ст. 5 УПК РФ); во-вторых, деятельность органов дознания сохранена в двух видах (ч. 2 ст. 40 УПК РФ): 1) по уголовным делам, предварительное следствие по которым необязательно; 2) по уголовным делам, предварительное следствие по которым обязательно; в-третьих, сроки дознания по сравнению со следствием остались сокращенными.

В то же время, принятое законодательство первоначально имело целый ряд новелл, касающихся рассматриваемой формы предварительного расследования.

Во-первых, из уголовного процесса исключена самостоятельная форма производства по уголовным делам, которая входила в сферу полномочий органов дознания — протокольная форма досудебной подготовки материалов.

Во-вторых, изменились сроки проведения дознания по уголовным делам. Частью 3 ст. 223 УПК РФ первоначально было введено общее правило, в соответствии с которым дознание производится в течение 15 суток со дня возбуждения уголовного дела и до дня принятия решения о направлении уголовного дела прокурору.

В-третьих, производство дознания являлось возможным только в тех случаях, когда на момент возбуждения уголовного дела своей подследственности было установлено лицо, совершившее преступление (ч. 2 ст. 223 УПК в первоначальной редакции).

В-четвертых, впервые дознание разрешено по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними.

К новеллам, безусловно, относилось и то положение закона, которое обязывало дознавателя, впрочем, как и следователя, согласовывать свое решение о возбуждении уголовного дела с прокурором (ч. 1 ст. 146 УПК в первоначальной редакции).

В уголовном процессе появился новый субъект — дознаватель. Законодатель определяет понятие вышеназванного участника уголовного судопроизводства в п. 7 ст. 5 УПК РФ следующим образом: «Дознаватель — должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом». Необходимо отметить, что УПК России впервые назвал дознавателя в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства¹, закрепив в законе не только его понятие, но и процессуальный статус (ст. 41 УПК).

В части 1 ст. 223 УПК РФ, определяющей порядок дознания, как и прежде, закреплено, что предварительное расследование в форме дознания производится по общим правилам досудебного производства за теми исключениями, которые предусмотрены в специально посвященной дознанию главе 32. Однако

¹ В УПК РСФСР использовалось понятие «лицо, производящее дознание».

глава 32, состоявшая первоначально всего из 4 статей (ст.ст. 223–226 УПК), не содержала всех исключений или, другими словами, отличий дознания от предварительного следствия. Для того, чтобы выявить все отличия этих двух форм расследования, требовались положения и других норм УПК. В сводном виде дознание и предварительное следствие после вступления нового УПК в действие различались по:

- 1) основаниям возбуждения уголовного дела;
- 2) категории расследуемых уголовных дел;
- 3) процессуальной самостоятельности дознавателя и следователя;
- 4) процессуальному статусу лица, привлекаемого к уголовной ответственности;
- 5) процедуре предъявления обвинения;
- 6) процессуальным срокам расследования;
- 7) процессуальным актам, завершающим производство по делу.

То есть новое содержание дознания в общих чертах сводилось к следующей схеме действий: при совершении преступления, производство предварительного следствия по которому не является обязательным, и известности лица, совершившего это преступление, с согласия прокурора дознаватель вправе был возбудить уголовное дело. Лицо, в отношении которого такое дело возбуждалось, приобретало статус подозреваемого, а лицо, на которое было направлено посягательство, этим же фактом возбуждения уголовного дела признавалось потерпевшим. С этого момента в течение 15 суток дознаватель должен был собрать все необходимые доказательства, подтверждающие обстоятельства, входящие в предмет доказывания, и, завершив расследование, составить обвинительный акт, с которым ознакомить теперь уже обвиняемого по делу и при желании — потерпевшего, предъявив им все материалы уголовного дела. При этом защитник подозреваемого или обвиняемого, представитель потерпевшего участвуют в деле на общих основаниях.

Завершив ознакомление с делом, дознаватель, в силу меньшей по сравнению со следователем процессуальной самостоятельности, вынужден утвердить обвинительный акт у начальника органа дознания, после чего направить его с материалами уголовного дела прокурору, также для утверждения и последующего направления в суд.

Поскольку дознание осуществлялось и осуществляется по общим правилам, установленным для предварительного следствия, дознаватель обязан при соблюдении общих условий предварительного следствия произвести все необходимые следственные действия, собрать, проверить и оценить доказательства для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, принять меры к устранению и возмещению причиненного вреда, выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

С принятием УПК РФ 2001 года подследственность органов дознания значительно расширилась. Во-первых, к ней были отнесены дополнительно 37 составов (что составляет 200–250 тысяч очевидных преступлений небольшой и средней тяжести¹); во-вторых, по письменному указанию прокурора стало возможным проведение дознания и по уголовным делам об иных преступлениях небольшой и средней тяжести, не перечисленных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ; в-третьих, из УПК РФ было изъято требование обязательности предварительного следствия по преступлениям, совершенным несовершеннолетними, то есть часть уголовных дел в отношении этих лиц перешла к органам дознания.

Процессуальный статус лиц, производящих расследование в форме дознания, по-прежнему закреплён законом в меньшем объеме, нежели лиц, осуществляющих предварительное следствие. Предварительное следствие, кроме того, проводит-

¹ Данные представлены Г.П.Химичевой в ее работе: Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: Монография. — М.: Экзамен, 2003. — С. 41.

ся исключительно следователями, для которых расследование преступлений является основной и единственной функцией. Дознание осуществляется целым рядом административных учреждений и компетентных должностных лиц, указанных в ст. 40 УПК РФ, для которых дознание не является основной и единственной функцией, а также в определенных случаях — следователями (п. 8 ст. 5 УПК РФ).

Первоначально новый УПК РФ, как и прежде, предусматривал, что указания прокурора для следователя обязательны. Затем (июнь 2007 г.) эти полномочия перешли к руководителю следственного органа. Однако в случае несогласия следователя с такими указаниями он вправе обжаловать их руководителю вышестоящего следственного органа и в целом ряде случаев приостановить их исполнение (ч. 3 ст. 39 УПК в редакции ФЗ от 5 июня 2007 г. №87-ФЗ).

Право следователя не выполнять целый ряд указаний, определяющих дальнейшее движение уголовного дела, вопреки своему внутреннему убеждению, всегда определяло его процессуальную самостоятельность. Дознавателю такое же право не предоставлялось ни прежним УПК РСФСР, не предусмотрено оно и УПК РФ 2001 г. Он вправе лишь обжаловать указания прокурора и соответствующих руководителей дознания, но не вправе приостановить их исполнение.

То есть следователь изначально обладал куда большей процессуальной самостоятельностью при производстве расследования по уголовному делу, нежели дознаватель. И это без учета того обстоятельства, что еще в целом ряде случаев дознаватель обязан или получить согласие, или утвердить свое решение у начальника органа дознания или же начальника подразделения дознания.

Особенностью дознания являлся и является краткий срок его производства. Сначала принятое законодательство предусматривало, что дознание производится в течение 15 суток со дня возбуждения уголовного дела. Вскоре Федеральным законом от 7 июля 2003 г. этот срок увеличили до 20 суток, а спустя

некоторое время — и до 30 суток. Срок же предварительного следствия не должен превышать двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела. Законодателем предусматривалась возможность продления производства дознания до 30 суток, после чего уголовное дело подлежало передаче для дальнейшего производства в следствие, срок производства которого можно продлевать до пределов, ограничиваемых сроком давности привлечения к уголовной ответственности.

Отличительной особенностью дознания, которую можно признать основным введенным УПК РФ 2001 г. упрощением процедуры расследования, является то, что при производстве предварительного расследования в форме дознания не предусматривается необходимость вынесения и предъявления акта привлечения лица в качестве обвиняемого в том порядке, который установлен для предварительного следствия. Обвинение подозреваемому, который появляется с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и пользуется всеми правами подозреваемого, впервые изначально могло быть сформулировано только в обвинительном акте, составляемом по окончании дознания. То есть в процессе дознания только с момента составления обвинительного акта лицо могло приобрести статус обвиняемого. Именно в этом, как представляется, и заключалось стремление законодателя создать надлежащие условия для завершения дознания в максимально сжатые сроки.

Таким образом, после вступления в силу нового УПК РФ сущность дознания заключалась в следующем:

1. Производство расследования по уголовным делам в форме дознания производилось по специальной категории дел, указанной в ч. 3 ст. 150 УПК РФ, при условии установления на момент возбуждения дела лица, совершившего преступление.

2. Согласно ст. 40 УПК РФ дознание производилось специальным субъектом — должностным лицом органа дознания — дознавателем, имеющим меньшую процессуальную независимость, чем следователь.

3. Дознание по уголовным делам производилось в сокращенный 15-, затем 20-, а еще позже — 30-дневный срок, без составления и предъявления постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.

4. Расследование в форме дознания завершалось составлением обвинительного акта с направлением уголовного дела через прокурора в суд или прекращением уголовного дела по установленным законом основаниям.

То есть содержание дознания, введенного новым УПК РФ, представляло собой нечто среднее между прежним дознанием в полном объеме, т. е. по делам, производство предварительного следствия по которым было не обязательным, и протокольной формой досудебной подготовки материалов. Признаками, заимствованными из протокольного производства, являлись, например, сокращенные сроки, отводимые для расследования; начало производства только в случае установления лица, совершившего преступление; ненадобность предъявления обвинения; составление по итогам производства не обвинительного заключения, а документа, получившего название обвинительный акт, во многом напоминающий протокол об обстоятельствах совершенного преступления, который завершал производство в протокольной форме.

Признаками, перенесенными в новое дознание из дознания по УПК РСФСР 1960 года, являлись сам факт возбуждения уголовного дела, необходимый для начала расследования; производство всех предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством следственных и иных процессуальных действий; возможность применения мер процессуального принуждения и т. п.

Отдельной дополнительной особенностью дознания являлся порядок действий в случае избрания подозреваемому по делу меры пресечения в виде заключения под стражу. Часть 2 ст. 224 УПК предписывала в этом случае составить обвинительный акт, то есть фактически завершить дознание, в срок не позднее 10 суток со дня заключения подозреваемого под

стражу. Это означало, что вне зависимости от того, сколько дней срока еще оставалось для производства дознания, после ареста подозреваемого расследование должно было быть завершено не позднее 10 суток.

Невнятная редакция части 3 ст. 224 УПК РФ приводила к совершенно разным последствиям в случаях, когда в 10-дневный срок после заключения подозреваемого под стражу составить обвинительный акт не представлялось возможным.

В частности, в норме установлено: «При невозможности составить обвинительный акт в срок, предусмотренный частью второй настоящей статьи, подозреваемому предъявляется обвинение в порядке, установленном главой 23 настоящего Кодекса, либо данная мера пресечения отменяется».

Умолчание в ч. 3 ст. 224 УПК о том, кем предъявляется обвинение, породило разницу во мнениях и действиях. Так, например, авторы комментария к УПК РФ под общей редакцией В. В. Мозякова пишут, что «по общему правилу, при производстве дознания, предъявление обвинения не предусмотрено. Но оно при наличии к тому оснований, должно быть предъявлено в том случае, если в отношении подозреваемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, а обвинительный акт в течении 10 суток после этого составить не представляется возможным»¹.

Аналогично трактует данное положение С. И. Гирько².

В названных комментариях конкретно не указывается, кто должен предъявить обвинение. Памятуя о том, что следователь также уполномочен осуществлять расследование в форме дознания, можно предположить, что авторы допускали именно такой порядок действий: обвинение предъявляет следователь и он же завершает дознание.

¹ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. В. Мозякова. — М.: Экзамен XXI, 2002. — С. 488.

² Гирько С. И. Расследование преступлений в форме дознания в системе МВД России // Юридический консультант. — 2003. — №7. — С.18.

Более конкретны и даже категоричны в своих разъяснениях по этому поводу были работники Генеральной прокуратуры РФ А. П. Коротков и А. В. Тимофеев. Отвечая на вопрос о том, вправе ли в такой ситуации обвинение предъявить дознаватель, они заверяют: «Да, вправе. Актом предъявления обвинения, в этом случае, форма предварительного расследования (производства дознания) не изменяется»¹. Но такое утверждение на тот момент не основывалось на законе по следующим соображениям. Во-первых, статья 223 УПК, закрепляя процессуальный режим дознания, указывает как раз на то, что глава 23 УПК РФ исключается из норм, регулирующих порядок производства дознания. А глава 23 УПК и является совокупностью норм, закрепляющих процедуру предъявления обвинения. Отсюда простой вывод — в ходе дознания обвинение предъявляться не может. Во-вторых, именно отсутствие необходимости выносить и предъявлять постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, а затем допрашивать его по существу предъявленного обвинения, является тем единственным процедурным упрощением расследования, отличающим дознание от предварительного следствия. Допустить возможность в процессе дознания предъявлять обвинение — значит превратить две формы расследования в одну. В-третьих, ни в полномочиях органа дознания, ни в компетенции дознавателя или начальника органа дознания, закон нигде не упоминает о таком праве субъектов дознания — предъявлять обвинение. А это, в-четвертых, означает, что в случае таких действий дознавателя, как вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, предъявление этого постановления и допрос обвиняемого, полученные доказательства в виде показаний обвиняемого будут признаны недопустимыми в связи с тем, что получены они окажутся ненадлежащим субъектом.

¹ См.: Коротков А. П., Тимофеев А. В. Прокурорско-следственная практика применения УПК РФ: Комментарий. — М.: Экзамен, 2005. — С. 349.

Поэтому правильным признавалось разъяснение последствий невозможности составления обвинительного акта в десятидневный срок после заключения подозреваемого под стражу, данное в комментарии к УПК РФ под редакцией Д. Н. Козака и Е. Б. Мизулиной. В нем утверждается, что «к особенностям избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, комментируемая статья (224) относит: ... 2) отмену данной меры пресечения, либо предъявление обвинения подозреваемому и тем самым изменение формы предварительного расследования (замену дознания предварительным следствием) — по истечении указанного срока»¹.

Сохранявшаяся двусмысленность редакции ч. 3 ст. 224 УПК и на практике приводила к различному порядку действий. Обобщение, например, в г. Сочи практики предъявления обвинения в период действия исследуемого предписания показало, что в УВД Центрального района дознаватели сами предъявляли обвинение и завершали дознание, в то время как в ОВД Адлерского района в этих случаях уголовное дело для предъявления обвинения и завершения расследования в форме предварительного следствия передавалось в следственный отдел².

Редакция указанной нормы требовала изменений и они были сделаны. Однако о новом содержании получившегося предписания речь пойдет далее.

Итак, новый УПК РФ дал жизнь новому режиму производства дознания.

Но отвечал ли этот вид производства тем идеям и целям, которые преследуются реформой? Думается, что нет.

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. — М.: Юрист, 2002. — С. 444.

² См.: Ратьков А. Н. Качество законодательного регулирования производства дознания // Проблемы развития российской правовой системы: Межвузовский сборник научных трудов / Федер. агентство по образованию; Сочин. гос. ун-т туризма и курорт. дела. Ин-т права. Сочи: РИО СГУТиКД, 2006. — С. 157.

Во-первых, его нельзя признать упрощенной формой производства, поскольку от режима предварительного следствия его отличало лишь отсутствие необходимости предъявлять обвинение, в то время как все остальные требования к производству расследования сохранялись. А это, в свою очередь, негативно сказывалось на сокращенных сроках расследования, т. к. за 20 суток, (а первоначально было 15 суток), установить все необходимые обстоятельства по делу часто становилось не под силу. Например, по данным за 2004 году по г. Сочи из 1471 уголовных дел, находившихся в производстве органов дознания, 242 (или 16,5%) было передано следователям для производства дальнейшего расследования, т. к. даже продленного до 30 суток срока дознания не хватило, чтобы завершить расследование в полном объеме¹.

Еще более удручающая картина складывалась при производстве дознания по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Данная новелла законодательства, разрешившая по данной категории уголовных дел осуществлять расследование и в форме дознания, привела к тому, что 35,7% таких дел из своего производства дознаватели передали в следствие по той же причине — не хватило срока расследования. А это составило 10,4% всех уголовных дел в отношении несовершеннолетних, расследуемых следователями².

Отсюда, и это, во-вторых, нельзя признать такое производство ускоренным, хотя искусственно определенные для дознания сроки и заставляли дознавателя работать в три раза быстрее следователя (20 суток в сравнении с 60 сутками срока предварительного следствия) зачастую по одинаковым по факту и объему преступлениям (сравните: украл из помещения или другого хранилища — дело было подследственно органам

¹ Используемые здесь и далее статистические данные автору были предоставлены прокуратурой г. Сочи.

² Из 56 уголовных дел, принятых к производству органами дознания в отношении несовершеннолетних в 2004 г., 20 передано в следственный отдел, следователями которого всего в этом же году расследовано 193 таких уголовных дела.

дознания; украл то же самое, но из жилища, дознание исключалось и проводилось предварительное следствие).

Ну и, в-третьих, разгрузила ли такая организация досудебного производства по уголовным делам следственный аппарат? Ответ опять отрицательный. Если взять уже приводившуюся цифру переданных из дознания в подразделения предварительного следствия уголовных дел из-за того, что дознаватели не уложились в срок расследования, то к общему объему находившихся в производстве у следователей в 2004 г. уголовных дел это составит 6,4% (242 уголовных дела к 3795 принятых следователями к производству).

К этой величине нужно еще прибавить то количество уголовных дел, которое оказывалось в производстве следователей из-за того, что по делам о преступлениях, подследственным органам дознания, на момент возбуждения уголовного дела не было установлено лицо, совершившее это преступление. Таких дел передано в следствие за тот же период 227, что и составляет еще 6% в общем количестве расследованных следователями уголовных дел.

Таким образом, в общей нагрузке следственных подразделений г. Сочи в 2004 г. удельный вес дел, являющихся подследственностью органов дознания, составил 12,4%. При старом регламенте это количество «дознавательских» дел никак не могло попасть в нагрузку следователей, а значит, прогнозируемая разгрузка следственного аппарата и, как результат, повышение качества следствия на деле не произошло. Напротив, закрепленный в УПК процессуальный режим дознания обернулся увеличением объема работы следователей, в том числе расследованием дел о нераскрытых преступлениях небольшой и средней тяжести и, следовательно, ухудшением качества предварительного следствия.

И пусть приведенный анализ складывавшейся практики расследования уголовных дел являлся неполным и узорегиональным, вполне резонно было предполагать, что такая же практика типична и для других регионов.

Вскоре появившиеся статистические данные по России подтвердили это предположение. Например, в 2003 году из общего количества возбужденных органами дознания уголовных дел (1106667) в органы предварительного следствия было передано 54,2% дел (600359), из которых 26,6% составили дела, по которым не был установлен подозреваемый, а еще 27,6% — дела, переданные в связи с истечением срока дознания.

В 2006 году общее количество переданных из дознания в органы следствия уголовных дел достигло 60,2% (соответственно 47,1% из-за отсутствия подозреваемого по делу, 13,4% из-за истечения срока дознания)¹.

«Всего за пять лет действия УПК РФ, — отмечал Б. Я. Гаврилов, — в силу указанных выше обстоятельств из органов дознания для производства предварительного следствия передано свыше 3 млн уголовных дел»². Он же указывал на то, что названные обстоятельства привели к «размытости» ответственности за раскрытие преступлений, подследственных органам дознания, что существенным образом повлияло на рост количества нераскрытых преступлений и за семь лет (2000–2006 гг.) число нераскрытых грабежей (161 ч. 1 УК РФ) возросло в 53,9 раза, угонов (166 ч. 1 УК РФ) — в 12,5 раза, неквалифицированных видов краж — в 45,9 раза, фактов умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью — в 33,2 раза³.

Законодательное условие проведения дознания только в отношении конкретных лиц «приводило к тому, — замечает В. М. Быков, — что дознаватели нередко уклонялись от расследования преступлений, личность преступников по которым не была установлена на момент возбуждения

¹ См.: Гаврилов Б. Я. Федеральный закон от 6 июня 2007 года №90-ФЗ и его роль в совершенствовании организации дознания // Юридический консультант. — 2007. — №8. — С. 15. Погрешность в 0,3% в общей доле переданных в следствие дел в 2006 году значителен в первоисточнике.

² Гаврилов Б. Я. Указ. раб. — С. 13.

³ Там же.

уголовного дела. Такие дела сразу или после производства нескольких неотложных следственных действий передавались следователям органов внутренних дел. В результате у последних скапливалось в производстве большое количество уголовных дел о нераскрытых преступлениях, по которым они были не в состоянии обеспечить эффективное расследование»¹.

Анализируя эти же положения порядка производства дознания, С. И. Гирько, имеющий опыт организации дознания на уровне МВД РФ, прямо указывал: «После принятия нового Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) сложилась ситуация, при которой разбирательство по делам, формально отнесенным к подследственности дознавателей, фактически осуществляли следователи... Это приводило к тому, что дознаватели «отлынивали» от работы. Мы видели, что дознание не было загружено по-настоящему при том, что следственный аппарат был перегружен делами, которые могли быть закончены производством дознавателями, но в силу закона переданных ими следователям»².

Нереальность установленных сроков дознания объясняла Г. П. Химчева, которая называла как объективные, так и субъективные причины не позволяющие окончить дознание в отведенное время.

К причинам объективного характера она относила длительность проведения судебно-медицинской, психиатрической, наркологической экспертиз, технического исследования документов (в среднем на это требуется не менее 15 суток), а также получения справок о судимости (на это обычно тоже требуется около 25–30 дней).

Причиной субъективного характера выступала невозмож-

¹ Быков В. М. Дознание: новое в производстве. Комментарий к федеральным законам от 06.06.2007 №90-ФЗ и от 05.06.2007 №87-ФЗ // Уголовный процесс. — 2007. — №8. — С. 5.

² Гирько С. И. Новеллы в уголовно-процессуальном законодательстве — продолжение реформы // Юридический консультант. — 2007. — №8. — С. 5.

ность проведения дознавателями в положенный срок всех необходимых следственных действий¹.

Закрепленная форма «ускоренного» расследования преступлений вскоре обнаружила недочеты и в урегулированности отдельных этапов производства.

Часть 2 ст. 223 УПК РФ устанавливала, что уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 150 УПК РФ, возбуждаются только в отношении конкретных лиц. Но закон не определял порядка возбуждения и расследования уголовных дел, по которым лица, их совершившие, не установлены. Г. П. Химичева, обобщив практику действий в этих случаях, в своей монографии отмечала: «Изучение практики показывает отсутствие единообразия в данном вопросе. Так, в результате исследования, удалось выявить несколько процедур: а) уголовное дело возбуждает и расследует следователь (2,3% изученных уголовных дел); б) уголовное дело возбуждает дознаватель; прокурор дает согласие на возбуждение уголовного дела и направляет его по подследственности следователю (11,4%); в) уголовное дело возбуждает дознаватель; прокурор дает согласие на возбуждение уголовного дела и направляет дело по подследственности в органы дознания, после чего дознаватель, не проводя следственных действий, передает дело

¹ По данным Управления по организации дознания милиции общественной безопасности ГУВД г. Москвы, срок представления заключения экспертными учреждениями ГУВД г. Москвы, которые вследствие ограниченных процессуальных сроков дознания в первую очередь проводят экспертизы по таким делам, составляет 10–15 суток; учреждения Департамента здравоохранения г. Москвы представляют заключения экспертов в срок 30 и более суток; при назначении судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз требуется предварительный сбор документов из медицинских учреждений, в которых находился на лечении потерпевший или подозреваемый, а по наркологической и психиатрической экспертизам — представление характеризующих личность материалов, включая протоколы допросов родственников (См.: Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: Монография. — М.: Экзамен, 2003. — С. 42).

следователю (18,1%) или в течение 10 суток проводит неотложные следственные действия и передает дело следователю (38,4%) либо в течение 20 суток проводит дознание и передает дело следователю (29,8%)»¹.

На лицо явные просчеты законодателя, вызвавшие отступление от единой процессуальной формы на этапе начала расследования.

Хотя встречались иногда теоретические рекомендации, которые предписывали, казалось бы, единообразный порядок действий. Так, А. Соловьев и М. Токарева утверждали, что «Если лицо, совершившее преступление, не установлено, орган дознания, в производстве которого находится уголовное дело, на основании п. 3 ч. 1 ст. 149 и ч. 4 ст. 157 УПК РФ обязан произвести лишь неотложные следственные действия, после чего направить дело прокурору, которым решается вопрос о производстве предварительного следствия»². Однако приведенные результаты исследования показывают, что у правоприменителя такого единого подхода к началу производства по делу в этих случаях не было.

Пробелы закрепленного порядка осуществления дознания проявлялись все весомее. Установленная законом процедура расследования в противовес прогнозируемому результату вызвала перегрузку следственного аппарата, ухудшение состояния борьбы с преступностью из-за минимальной эффективности раскрытия преступлений небольшой или средней тяжести, что в свою очередь привело к поправанию прав потерпевших от преступных деяний, повлекло другие негативные последствия, которые и вынудили законодателя в очередной раз пересмотреть коренным образом порядок производства дознания.

¹ Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: Монография. — М.: Экзамен, 2003. — С. 41.

² Соловьев А., Токарева М. Соотношение дознания и предварительного следствия по УПК РФ // Уголовное право. — 2003. — №3. — С. 98.

Понятно было, что возбуждение уголовного дела только с согласия прокурора, «на ощупь» устанавливаемый срок производства дознания (сначала 15 суток, затем 20 суток), разрешение расследования в форме дознания только очевидных преступлений — не были выверенными узаконениями и рано или поздно должны были быть изменены. Время настало и чередой законов¹ в УПК РФ летом 2007 г. внесены изменения, которые все вернули «на круги своя»: предписаниями указанных законов согласование решения о возбуждении уголовного дела с прокурором отменено, срок дознания вернулся к дореформенной продолжительности (30 суток), производство дознания, как и прежде, разрешено по делам о всех преступлениях, не требующих предварительного следствия, а не только по которым на момент возбуждения уголовного дела установлено лицо, совершившее преступление.

Без особого сопоставления можно заметить, что такими изменениями законодатель вернул процедуру дознания практически к тому же порядку, который был присущ этой форме расследования до принятия УПК РФ 2001 г. и который подвергался резкой критике, приведшей к изобретению в новом УПК РФ действовавшего до июня 2007 г. режима дознания. Острые критики «старого» дознания направлялось на параллелизм этого вида расследования преступлений предварительному следствию и, как результат, на его ненужность. Случившееся в 2007 г. убеждает в том, что попытка создать отличную от предварительного следствия форму расследования преступлений, представляющую собой ускоренную и упрощенную процедуру

¹ См.: Федеральные законы от 5 июня 2007 г. №87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»; от 6 июня 2007 г. №90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»; от 24 июня 2007 г. №214-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ру установления всех обстоятельств совершенного преступления, провалилась.

Однако внесенные в УПК РФ изменения, направленные, казалось бы, на исправление сложившегося положения, нисколько это положение не улучшили, а наоборот, лишь усугубили. Нововведения сделали дознание еще более схожим с предварительным следствием, нежели это было в предыдущем законодательстве. Например, срок производства дознания теперь легко можно продлить у прокурора еще на 30 суток (ч. 3 ст. 223 УПК РФ), т. е. до тех же двух месяцев, как и при производстве следствия, а в необходимых случаях те же прокуроры вправе продлить срок дознания и до 6 месяцев (ч. 4 ст. 223 УПК РФ). Но и это сегодня не предел. «В исключительных случаях, — гласит ч. 5 ст. 223 УПК РФ, — связанных с исполнением запроса о правовой помощи..., срок дознания может быть продлен прокурором субъекта Российской Федерации и приравненным к нему военным прокурором до 12 месяцев».

Под стать срокам производства дознания теперь и сроки содержания под стражей во время дознания. Часть 4 ст. 224 УПК РФ разрешает при невозможности закончить дознание в срок до 30 суток и отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения в виде заключения под стражу продлить срок содержания под стражей до 6 месяцев. Часть 2 ст. 109 УПК РФ закрепляет возможность продления этого срока и до 12 месяцев, если в ходе дознания исполняется запрос о правовой помощи, направленный в иностранное государство на основании ст. 453 УПК РФ.

Ни по УПК РСФСР, ни по УПК РФ до указанных изменений в процессе производства дознания такое было невозможно.

Но некоторые ученые, практики в недалеком прошлом, внесенные изменения даже приветствуют. Так, Б. Я. Гаврилов, комментируя роль закона от 6 июня 2007 г. №90-ФЗ в организации дознания, подчеркивает, что предусмотренная законом возможность продления до 6 и 12 месяцев срока производства дознания «...будет способствовать завершению расследова-

ния дознавателями возбужденных ими уголовных дел о преступлениях, отнесенных к их подследственности»¹.

В. М. Быков также ожидает, что «...эта новелла уголовно-процессуального закона должна положительно сказаться на качестве проводимого дознания»².

Другие, напротив, правильно отмечают допускаемое при этом слияние двух форм предварительного расследования в одну. С. И. Гирько, отзываясь об этих же новеллах уголовно-процессуального законодательства, писал: «Но, несмотря на, казалось бы, положительные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, положение с организацией дознания принципиально к лучшему не изменилось. Возникла совершенно уникальная ситуация. Мы в очередной раз фиксируем, что дознание по процессуальным процедурам стало еще больше походить на предварительное следствие — по источникам доказательств, по процедурным вопросам, а теперь даже и по срокам. Сегодня предварительное следствие и дознание — это одно и то же. Различия имеются только в том, кто производит расследование (в субъекте)»³.

Напомним, что еще до описываемых изменений законодательства некоторые исследователи проблем производства дознания убеждали в параллелизме дознания следствию. «Тенденция слияния дознания с предварительным следствием и возрастания роли дознания в предварительном расследовании, — отмечал в 2004 г. В. М. Лукин, — имевшая место в течение всего развития советского уголовного процесса, и некоторым образом приостановленная в первые десятилетия действия

¹ Гаврилов Б. Я. Федеральный закон от 6 июня 2007 г. №90-ФЗ и его роль в совершенствовании организации дознания // Юридический консультант. — 2007. — №8. — С. 16.

² Быков В. М. Дознание: новое в производстве. Комментарий к Федеральным законам от 06.06.2007 №90-ФЗ и от 05.06.2007 №87-ФЗ // Уголовный процесс. — 2007. — №8. — С. 5.

³ Гирько С. И. Новеллы в уголовно-процессуальном законодательстве — продолжение реформ // Юридический консультант. — 2007. — №8. — С. 6.

УПК РСФСР 1960 г., в ныне действующем УПК РФ 2001 г. достигла своего наивысшего развития... Дознание в том виде, в котором оно регулируется в УПК РФ 2001 г., на самом деле является ни чем иным как следствием, производимым должностным лицом органа дознания — дознавателем»¹.

После состоявшихся изменений отрицать этот факт практически невозможно.

Другие внесенные в УПК РФ новеллы и поправки мало что меняют в сущности дознания, хотя, безусловно, оказывают влияние на его организацию.

Так, закон №90-ФЗ впервые ввел в число участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения новую процессуальную фигуру — начальника подразделения дознания.

Ранее норм, определяющих правовое положение начальника подразделения дознания, в УПК РФ не было. Начальник подразделения дознания никакого статуса в уголовном процессе не имел, вся его деятельность по организации и руководству производством дознания регулировалась только ведомственными актами.

Закон №90-ФЗ дополнил ст. 5 УПК РФ п. 17.1, в котором устанавливается: «Начальник подразделения дознания — должностное лицо органа дознания, возглавляющее соответствующее специализированное подразделение, которое осуществляет предварительное расследование в форме дознания, а также его заместитель».

Кроме того, в главу 6 УПК РФ, регламентирующую правовое положение участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, добавлена ст. 40.1 (Начальник подразделения дознания). В соответствии с ч. 1 данной нормы начальник подразделения дознания по отношению к находящимся в его подчинении дознавателям имеет право:

■ поручать дознавателю проверку сообщения о преступлении, принятие по нему решения в порядке, установленном ст.

¹ Лукин В. М. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2004. — С. 3.

145 УПК РФ, выполнение неотложных следственных действий либо производство дознания по уголовному делу;

- изымать уголовное дело у дознавателя и передавать его другому дознавателю с обязательным указанием оснований такой передачи;

- отменять необоснованные постановления дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу;

- вносить прокурору ходатайство об отмене незаконных или необоснованных постановлений дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела.

Часть 2 ст. 40.1 Кодекса предоставляет начальнику подразделения дознания право самому возбуждать уголовное дело в порядке, установленном УПК РФ, принимать это уголовное дело к своему производству и производить дознание в полном объеме.

Кроме того, в соответствии с ч. 3 данной статьи при осуществлении своих полномочий начальник подразделения дознания проверяет материалы уголовного дела, дает дознавателю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения.

Важное положение, регулирующее отношения начальника подразделения дознания с дознавателем, содержится в ч. 4 ст. 40.1 УПК РФ. Согласно данной норме, указания начальника подразделения дознания по уголовному делу даются в письменном виде и являются обязательными для исполнения дознавателем, однако могут быть обжалованы им начальнику органа дознания или прокурору. При этом обжалование указаний не приостанавливает их исполнения. Дознаватель вправе представить начальнику органа дознания или прокурору материалы уголовного дела и письменные возражения на указания начальника подразделения дознания.

Еще позже, Федеральным законом от 30 декабря 2015 года №440-ФЗ, число участников уголовного процесса со стороны обвинения пополнилось начальником органа дознания (ст. 40.2 УПК РФ). Тем самым, над дознавателем законодательно закреплены те должностные лица, которые и до этого фактически оказывали влияние на его деятельность. Однако с внесением в число субъектов уголовного судопроизводства начальника органа дознания, проблематичным становится сохранение в этом перечне органа дознания (ст. 40 УПК РФ) как самостоятельного участника процесса. Ведь до определения начальнику органа дознания места в числе участников, орган дознания раскрывался как раз таки через его руководителя, то есть начальника органа дознания. Теперь получается, что и сам орган дознания и олицетворяющее его лицо — начальник органа дознания являются самостоятельными участниками уголовного процесса. Представляется, что содержание ст. 40 УПК РФ должно быть перенесено в ст. 150 УПК РФ, определяющую формы расследования, из которой и будет видно, какие правоохранительные органы наделяются правом осуществлять расследование в такой его форме, как дознание.

Возвращаясь к закону №90-ФЗ от 6 июня 2007 года, необходимо напомнить, что новеллой явилась ст. 223.1 (Уведомление о подозрении в совершении преступления). Согласно данной статье «в случае, если уголовное дело возбуждено по факту совершения преступления и в ходе дознания получены достаточные данные, дающие основания подозревать лицо в совершении преступления, дознаватель составляет письменное уведомление о подозрении в совершении преступления, копию которого вручает подозреваемому, и разъясняет ему права подозреваемого, предусмотренные ст. 46 настоящего Кодекса, о чем составляется протокол с отметкой о вручении копии уведомления. В течение трех суток с момента вручения лицу уведомления о подозрении в совершении преступления дознаватель должен допросить подозреваемого по существу подозрения».

Согласно ч. 2 рассматриваемой статьи в уведомлении о подозрении в совершении преступления должны быть указаны:

- дата и место его составления;
- фамилия, инициалы лица, его составившего;
- фамилия, имя и отчество подозреваемого, число, месяц, год и место его рождения;
- описание преступления с указанием места, времени его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п. 1 и 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ;
- пункт, часть, статья УК РФ, предусматривающие ответственность за данное преступление.

В соответствии с ч. 3 ст. 223.1 УПК РФ при наличии оснований подозревать лицо в совершении нескольких преступлений, предусмотренных разными пунктами, частями, статьями УК РФ, в уведомлении о подозрении, в совершении преступления должно быть указано в совершении каких деяний данное лицо подозревается по каждой из этих норм уголовного закона. Если же по одному уголовному делу установлено несколько подозреваемых, уведомление вручается каждому из них (ч. 4 данной статьи).

Кроме того, ч. 5 ст. 223.1 Кодекса требует, чтобы копия уведомления о подозрении лица в совершении преступления направлялась прокурору. Соответствующее указание законодатель внес также в ст. 46 УПК РФ, которая определяет правовое положение подозреваемого на предварительном следствии и дознании.

Таким образом, появилось новое основание признания лица подозреваемым при производстве дознания по уголовному делу — составленное дознавателем и врученное лицу уведомление о подозрении в совершении преступления.

Также впервые в отечественном законодательстве за дознавателем закреплено право направлять запрос о правовой помощи иностранному государству. В соответствии с новой

редакцией ч. 1 ст. 453 УПК РФ дознаватель, как и следователь, при необходимости производства на территории иностранного государства допроса, осмотра, выемки, обыска, судебной экспертизы или иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, имеет право внести запрос об их производстве компетентным органом или должностным лицом иностранного государства в соответствии с международным договором РФ, международным соглашением или на основе взаимности.

Затронуло организацию дознания и такое, содержащееся в законе №87-ФЗ от 5 июня 2007 года, изменение, как лишение прокурора права возлагать на следователя и дознавателя обязанность по поддержанию государственного обвинения в суде (п. 6 ст. 5 УПК РФ). Такое непривычное для отечественного уголовного процесса положение просуществовало недолго, с самого начала вызывая у ряда процессуалистов неприятие¹.

Учитывая названные внесенные в процессуальный режим дознания изменения, разделяя точку зрения о том, что в очередной раз по-новому закрепленный порядок его производства уравнивал дознание с предварительным следствием, попытаемся, тем не менее, определить пусть и формальные, но все-таки отличительные признаки этих двух форм предварительного расследования.

Основными признаками, отличающими дознание от предварительного следствия после изменений УПК РФ в 2007 году, остаются:

- подследственность (ст. 150 УПК РФ);
- субъект производства: предварительное следствие осуществляется следователями (ч. 2 ст. 151 УПК РФ), а дознание — дознавателями, в некоторых случаях — следователями (п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ);

¹ См., например: Быков В. М. Уголовно-процессуальный кодекс РФ и проблемы раскрытия преступлений (полемиические заметки) // Право и политика. — 2002. — №9. — С. 66–72.

■ сроки производства: срок дознания меньше сроков предварительного следствия, и, как уже отмечалось, срок дознания не может превышать 12 месяцев (ст. 223 УПК РФ);

■ дополнительное основание приобретения статуса подозреваемого по уголовному делу в виде уведомления лица о подозрении в совершении преступления (ст. 223¹ УПК РФ);

■ момент появления в деле обвиняемого, который наступает, как правило, после окончания дознания и составления обвинительного акта (ст. 225 УПК РФ);

■ момент ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела, который наступает после составления обвинительного акта (ч. 2 и 3 ст. 225 УПК РФ).

Таким образом, описанные изменения, внесенные в УПК РФ, вполне можно признать очередным преобразованием института дознания в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. Данный институт вновь приобрел другое лицо по сравнению с тем, которое он имел сразу после вступления УПК РФ в действие. Наметившиеся в начале действия закона отличия одной формы расследования от другой по мере его «совершенствования» вновь привели к стиранию этих различий и фактически к слиянию предварительного следствия и дознания в одну процедуру. Однако, несмотря на это, такой порядок продолжает действовать, и расследование преступлений по-прежнему осуществляется в форме предварительного следствия и дознания. Осознание того, что дознание фактически превратилось в то же следствие, оказалось не чуждым и законодателю, который приложил очередные усилия, чтобы изобрести все-таки отличную от имеющихся форму расследования, которая и появилась в УПК РФ после очередных дополнений.

Насколько это законодателю удалось, в какой степени изобретенный регламент стал отвечать современным потребностям организации досудебного производства и стало ли дознание в целом от этого более эффективным, — попробуем увидеть в процессе последующего изложения.

§2. ОСНОВАНИЯ, УСЛОВИЯ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Объективно назревшая необходимость дифференциации процедуры расследования преступлений состоялась введением в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в марте 2013 года новой главы 32.1 «Дознание в сокращенной форме»¹. Регламент дознания в сокращенной форме законодателем определен, а вот его понятие в законе решили не закреплять. В УПК по-прежнему содержится лишь официальное определение дознания в его общем значении, закрепленное в п. 8 ст. 5 УПК РФ.

Анализ специальной литературы и изучение закрепленного в законе порядка осуществления дознания в сокращенной форме позволяет указать на следующие элементы этого нового вида предварительного расследования преступлений. Дознание в сокращенной форме представляет собой разновидность ранее известного дознания, именуемого теперь дознанием в общем порядке, которому присущи перечисленные в гл. 32.1 УПК РФ особенности, упрощающие и ускоряющие его процедуру. То есть под дознанием в сокращенной форме можно понимать одну из форм предварительного расследования, производимого по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, перечисленным в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, возбужденным в отношении конкретного лица, на основании его письменного ходатайства при признании им своей вины и его согласии с правовой и фактической оценкой деяния, включая характер и размер вреда.

Для того чтобы уголовное дело о преступлении небольшой или средней тяжести расследовалось именно в форме сокра-

¹ Федеральный закон от 4 марта 2013 года №23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. — 2013. — №48. — 6 марта, а также: Собрание законодательства РФ. 2013. — №9. — Ст. 875.

щенного дознания необходимо одновременное наличие таких условий (ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ):

- возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, в случае совершения им преступления, указанного в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ;
- признание подозреваемым своей вины;
- признание подозреваемым характера и размера вреда, причиненного преступлением;
- согласие подозреваемого с правовой оценкой деяния, имеющей место при составлении постановления о возбуждении уголовного дела;
- отсутствие обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме.

Перечень обстоятельств, исключающих возможность расследования преступлений в форме сокращенного дознания, закреплён в ст. 226.2 УПК РФ. В данной норме установлено, что к таким обстоятельствам относятся следующие:

- а) несовершеннолетие подозреваемого;
- б) наличие оснований для применения в отношении подозреваемого принудительных мер медицинского характера;
- в) наличие у подозреваемого статуса, предусматривающего особый порядок уголовного судопроизводства, установленный гл. 52 УПК;
- г) совершение лицом двух и более преступлений, если хотя бы одно из них не относится к преступлениям, перечисленным в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ;
- д) невладевание языком, на котором ведется уголовное судопроизводство;
- е) возражение потерпевшего против производства по делу дознания в сокращенной форме.

О данных обстоятельствах может стать известно на разных этапах производства по делу, что учтено законодателем в ч. 2 ст. 226.2 УПК, разъясняющей:

- лицо, которое ведет по уголовному делу производство дознания в сокращенной форме, прекращает его вынесением

постановления о производстве дознания в общем порядке в случае, если указанные обстоятельства становятся известны или возникают после принятия дознавателем решения о производстве дознания в сокращенной форме, но до направления уголовного дела прокурору;

■ прокурор принимает решение о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке, когда названные обстоятельства становятся известны или возникают после поступления уголовного дела прокурору, но до его направления в суд;

■ судья возвращает уголовное дело прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке, если обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме, становятся известны или возникают в ходе судебного производства до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

В случае, когда дознаватель при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица выясняет, что имеются все перечисленные в ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ условия, то до начала первого допроса он разъясняет подозреваемому его право ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме, а также порядок и правовые последствия такого производства.

Что конкретно необходимо разъяснить подозреваемому из порядка производства дознания в сокращенной форме, законодатель не указывает, как не называет и те правовые последствия такого производства, которые требуется растолковать привлекаемому лицу. Несмотря на это, совершенно определенно подозреваемый должен быть поставлен в известность о том, что после расследования в сокращенной форме дознания дело в суде будет рассмотрено в особом порядке судебного разбирательства. А это означает, что собранные по делу доказательства в суде исследоваться не будут. А раз так, то по результатам его рассмотрения приговор нельзя будет обжаловать в апелляционном порядке по причине несоответствия выводов

суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции (ст. 317 УПК РФ). В то же время возможность обжалования приговора по другим основаниям, указанным в ст. 389.15 УПК РФ «Основания отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке», не исключается. Такое последствие можно отнести к негативным для привлекаемого к ответственности лица. Зато еще одно последствие согласия подозреваемого на расследование его дела в сокращенной форме дознания явно позитивное и, следует предположить, перекрывает весь негатив от предыдущего запрета. Согласно ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ в случае постановления обвинительного приговора по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, назначенное подсудимому наказание не может превышать одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Если такие разъяснения окажут положительное воздействие на подозреваемого, то он и реализует свое право ходатайствовать о расследовании дела о совершенном им преступлении в сокращенной форме дознания.

При этом следует отметить, что именно вышеназванное ходатайство является основанием для производства дознания в сокращенной форме, которое подозреваемый вправе подать дознавателю, возбудившему в отношении него уголовное дело, в течение двух суток со дня, когда ему было разъяснено такое право.

Ходатайство о производстве по уголовному делу сокращенного дознания рассматривается дознавателем в течение 24 часов с момента его поступления, после чего он принимает решение либо об удовлетворении ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме либо об отказе в удовлетворении ходатайства при наличии обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме. О принятии данных решений выносятся соответствующие постановления.

В случае удовлетворения ходатайства подозреваемого, дознаватель выносит постановление о производстве дознания в сокращенной форме, о чем обязательно в течение 24 часов с момента вынесения соответствующего постановления уведомляет прокурора, а также потерпевшего, после чего приступает к расследованию уголовного дела о преступлении, совершенном данным лицом¹.

Таков общий порядок начала расследования в сокращенной форме дознания совершенного преступления.

Вынесенное в название нового порядка досудебного производства словосочетание «сокращенная форма» сразу же вызывает желание узнать, насколько и за счет чего произошло сокращение дознания, по воле законодателя теперь именуемое дознанием в общем порядке, которое и так считалось упрощенной и ускоренной формой расследования. Естественно, что сразу бросается в глаза отведенный для новой процедуры срок — 15 суток. Однако для двойного по сравнению с обычным дознанием ускорения расследования должны быть существенные упрощения. И, как показывает анализ норм новой главы, они заложены в процедуру сокращенного дознания. Однако сделано это так, что практически каждая статья вновь введенной главы сразу же подверглась жесткой критике специалистов в области уголовного процесса².

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. — С. 559–560.

² См., например: Лазарева В. А. Негативные последствия грядущих изменений в процедуре дознания // Уголовный процесс. — 2012. — №8. — С. 10–17; Александров А. В., Лапатников М. В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. — 2013. — №4. — С. 12–19; Смирнов А. В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. — 2013. — №6. — С. 22–30; Качалова О. В. Доказывание при сокращенной форме дознания // Уголовный процесс. — 2013. — №6. — С. 32–36; Малофеев И. В. Сокращенная форма дознания: сложности реализации на практике // Уголовный процесс. — 2013. — №6. — С. 37–39 и др.

Для ускорения процедуры расследования сокращен предмет доказывания. Из всех предусмотренных обычным предметом доказывания обстоятельств (ст. 73 УПК РФ) при сокращенном дознании подлежат установлению лишь: 1) событие преступления, 2) характер и размер причиненного преступлением вреда, 3) виновность лица в совершении преступления (ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ).

Упрощен порядок сбора доказательств, который помимо урезания предмета доказывания, предполагает:

- во-первых, возможность не устанавливать повторно сведения, содержащиеся в материалах предварительной проверки сообщения о преступлении;

- во-вторых, полномочие дознавателя не проверять доказательства, не оспоренные подозреваемым, потерпевшим и их представителями (ст. 226.5 УПК РФ). «Дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, — гласит ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ, — непроизводство которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступления или иных доказательств». «Получается, — недоумевает советник Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор А. В. Смирнов, — что если опасности утраты «следов и иных доказательств» нет, то можно полностью отказаться от проведения каких бы то ни было процессуальных действий. Спрашивается, откуда в отсутствие процессуальных действий возьмутся доказательства, да и, вообще, как смогут возникнуть процессуальные отношения? Остаются лишь сведения, полученные оперативно-розыскным путем, которые, однако, без процессуальных действий по их легализации тоже не могут сделаться доказательствами»¹.

С позицией законодателя по сужению предмета доказывания не соглашается заведующая отделом проблем уголовного судопроизводства Российской академии правосудия

¹ Смирнов А. В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. — 2013. — №6. — С. 28.

О. В. Качалова. «Во-первых, — аргументирует она, комментируя ненужность установления иных обстоятельств из общего предмета доказывания, — лицо, заявляющее ходатайство о проведении дознания в сокращенной форме, признавая свою вину в совершении преступления, может вообще не знать о наличии обстоятельств, которые исключают преступность и наказуемость деяния либо освобождают от уголовной ответственности и наказания. А поскольку обязанность доказывания вышеуказанных обстоятельств не возлагается на дознавателя, они вообще могут остаться без внимания...

Во-вторых, оставляя за пределами доказывания обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, законодатель ставит под сомнение справедливость и обоснованность приговора, выносимого в дальнейшем по данному уголовному делу, посягает на принцип индивидуализации и справедливости уголовного наказания»¹.

С приведенными суждениями невозможно не согласиться, тем более что цитируемые авторы далеко не одиноки именно в такой оценке заложенных в закон способов ускорения производства по делу. То есть сокращение досудебного производства в этом случае достигается за счет сомнительных процедур, связанных, прежде всего, с выхолащиванием элементов процесса доказывания.

Говорить сейчас применительно к сокращенному дознанию о процессе доказывания вообще не приходится, поскольку его нет. Процесс доказывания, как известно, это — собирание, проверка и оценка доказательств. Об отсутствии элемента проверки говорит сам законодатель. Дознаватель вправе «не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем», — разрешает п. 1 ч. 3 ст. 225.6 УПК РФ.

¹ Качалова О. В. Доказывание при сокращенной форме дознания // Уголовный процесс. — 2013. — №6. — С. 33.

О том, что нет и элемента собирания доказательств свидетельствуют другие предписания закона. «Дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, производство которых может повлечь за собой невозполнимую утрату следов преступления или иных доказательств», — закрепляется в ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ. Оберегают дознавателя от излишних телодвижений и другие нормы этой статьи. Дознаватель вправе:

- п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ — не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения;

- п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ — не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении;

- п. 4 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ — не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении.

Таким образом, законодатель фактически допускает использование в качестве доказательств материалов, полученных в процессе предварительной проверки сообщения о преступлении. Данная проверка осуществляется в большинстве своем посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. Следовательно, результатам оперативно-розыскной деятельности авторы закона пытаются придать силу доказательств, оговаривая в конце ст. 226.5 УПК РФ то, что полученные таким путем сведения могут быть использованы для установления фактических обстоятельств, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законом. Но как полученные в период следственной проверки сведения могут отвечать предъявляемым к доказательствам требованиям, если изначально не выдерживается хотя бы такое требование, как надлежащий субъект получения доказательств. Следовательно, дознаватель и

их процессуальные начальники как субъекты уголовного процесса появляются лишь при начале деятельности по уже возбужденному уголовному делу, поскольку следователь — это должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу (ч. 1 ст. 38 УПК РФ), а дознаватель — это должностное лицо органа дознания, уполномоченное осуществлять дознание по уголовным делам, по которым предварительное следствие необязательно (п. 7 ст. 5, ч. 1 ст. 41, п. 1 ч. 2 ст. 40 УПК РФ). Поэтому, даже если они и участвуют в проверке сообщения о преступлении, то субъектами уголовного процесса еще не являются и, следовательно, вне рамок расследования уголовного дела получить доказательства не могут.

При этом авторы нововведений не обращают никакого внимания на имеющиеся в этой сфере выводы высших судебных инстанций. В определении Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 года №18-О указано, что собирание, проверка и оценка доказательств возможны лишь в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом. Результаты же оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактических данных, которые только и могут стать доказательствами после собирания и проверки их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 21 декабря 2010 года №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» отмечает, что специалист не проводит исследование доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза (п. 20 Постановления).

То есть и такому критерию допустимости доказательств, как надлежащий способ их получения, навязываемые законо-

дателем сведения, не отвечают. «При этом, — абсолютно верно замечает В. А. Лазарева, — десятилетиями выверенные и надежные способы собирания доказательств — следственные действия — подменяются их более простыми, но гораздо менее надежными суррогатами, не имеющими четкой правовой регламентации и не обеспечивающими прав участвующих в проверочной деятельности лиц»¹.

Пытаясь придать видимость обеспечения хотя бы каких-то гарантий, творцы новых процедур в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ закрепляют, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим кодексом, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Интересно спросить, где конкретно в УПК можно посмотреть эти права и обязанности. Ведь УПК РФ устанавливает права и обязанности участников уголовного процесса. А среди участников судопроизводства нет ни заявителя, ни пострадавшего от преступных действий, ни очевидцев происшествия, ни самого правонарушителя. Чьи конкретно права и обязанности должно разъяснять лицам, «участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении»? Нет в УПК таких прав и обязанностей, которые бы принадлежали участвующим в проверке сообщения лицам.

Далее. На ком лежит обязанность оценки доказательств? Получается, что нет и такого субъекта. При закрепляемой совсем уж упрощенной досудебной процедуре расследования надежда оставалась лишь на суд. Но даже тот суррогат, который оказывается в поступившем в суд деле, суду дано право не исследовать. Нормы в императивном варианте пред-

¹ Лазарева В. А. Негативные последствия грядущих изменений в процедуре дознания // Уголовный процесс. — 2012. — №8. — С. 13.

писывают рассматривать такое дело в особом порядке. А это значит, что этапа исследования доказательств в суде не будет. Причем, расследованное в сокращенной форме дознания дело попадает в упрощенную форму судебного разбирательства автоматически. Ни согласия, ни ходатайства потерпевшего или обвиняемого не требуется. «По уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, — повелевает ч. 1 ст. 226.9 УПК РФ, — судебное производство осуществляется в порядке, установленном статьями 316 и 317 настоящего кодекса, с изъятиями, предусмотренными настоящей статьей». А изъятия эти только порождают новые вопросы. Часть вторая этой статьи предписывает постановлять приговор на основании исследования и оценки тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении. Но ведь положенные в основу судебного разбирательства статьи 316 и 317 не предполагают ни исследования, ни оценки доказательств в ходе судебного разбирательства, в чем и заключается суть особого порядка судебного производства. «Означает ли это, — задается вопросом А. В. Смирнов, — что ст. 226.9 УПК РФ все-таки разрешает в судебном заседании исследовать доказательства? Но тогда в чем будет состоять особый порядок принятия судебного решения?»¹. Вопрос риторический. А, следовательно, правомерен очередной: на основании чего постановляется приговор? Ответ очевиден: на признательных показаниях самого обвиняемого. Разве это не та формула, от которой так долго уходили в отечественном уголовном процессе: признание — царица доказательств.

О. В. Качалова в этой связи предполагает: «Очевидно, в основу конструкции сокращенного дознания, в частности его доказательственной части, легли положения, вытекающие из принципа состязательности уголовного судопроизводства. Признание своей вины в совершении преступления в условиях состязательного процесса означает фактическое прекраще-

¹ Смирнов А. В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. — 2013. — №6. — С. 30.

ние спора о виновности»¹. Но далее в своих рассуждениях она правильно ссылается на ч. 2 ст. 77 УПК РФ, устанавливающую, что признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств. Эта ссылка дает ей возможность высказать разделяемую нами следующую точку зрения: «Однако изъятия, предусмотренные в доказывании при сокращенной форме дознания (сокращение предмета доказывания, специфический способ собирания доказательств в последовательном порядке, исключение этапа проверки доказательств), не позволяют сделать вывод о том, что в данном случае признание своей вины всегда подтверждается совокупностью собранных доказательств»². То есть законность принимаемого судом решения по итогам разбирательства такого дела весьма сомнительна.

На ускорение расследования «работает» условие, предполагающее возможность сокращенного дознания только в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Велика роль в реализации возможности расследования дела в сокращенной форме дознания и потерпевшего, от мнения которого зависит форма расследования. И в связи с этим возникает очередной вопрос: почему публичное уголовное преследование поставлено в зависимость от частного лица — потерпевшего? Пункт 6 части 1 ст. 226.2 УПК РФ содержит запрет на производство дознания в сокращенной форме, если потерпевший возражает против такого производства. Еще на этапе обсуждения проекта закона о введении сокращенного дознания А. С. Александров и М. В. Лапатников предлагали отказаться от процедуры согласования с потерпевшим решения о проведении расследования в сокращенном формате. «Надо оставить ему только право обжалования данного по-

¹ Качалова О. В. Доказывание при сокращенной форме дознания // Уголовный процесс. — 2013. — №6. — С. 35.

² Там же.

становления в порядке ст. 125 УПК РФ. Иначе хвост будет вилять собакой», — делали они вывод¹. Необходимо отметить, что возможность применения рассматриваемой процедуры расследования целиком и полностью зависит еще и от привлекаемого к ответственности лица. Подозреваемый, во-первых, должен изъявить желание о расследовании его дела в форме сокращенного дознания путем ходатайства об этом, то есть попросить государственные органы «по-быстренькому» провести дознание по факту совершенного им деяния; во-вторых, для этого он должен признать свою вину и согласиться с характером и размером причиненного преступлением вреда; в-третьих, не оспаривать правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела (ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ)². Такое внедрение в отечественный уголовный процесс диспозитивных начал «...существенно изменяет саму парадигму российского уголовного процесса, принадлежавшего до сего момента к континентальной правовой семье»³, исходящей из сугубо публичной природы уголовного процесса, из убеждения, что государственное по своей природе право не меняется решением частных лиц. Комментируя это нововведение в УПК РФ, А. В. Смирнов пишет: «...российский уголовный процесс как бы совершает прыжок через океан, становясь до известной степени репликой американского частно-искового прототипа. Не исключено, что последнему

¹ Александров А. В., Лапатников М. В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. — 2013. — №4. — С. 16.

² При этом закон не указывает, как быть, если в ходе пусть и «быстрого» дознания, но, тем не менее, будут установлены обстоятельства, меняющие квалификацию деяния или характер и размер причиненного вреда, указанные в постановлении о возбуждении уголовного дела. Перед составлением обвинительного постановления снова потребуются выяснение согласия подозреваемого на новую правовую оценку его деяния? Или нужно будет переходить к обычному порядку дознания? Ответа в законе на эти вопросы нет.

³ См.: Смирнов А. В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. — 2013. — №6. — С. 23.

сделки о признании как основа американского правосудия и идут на пользу, однако такой процесс — плод чужой правовой культуры»¹.

А ведь их (частных лиц) влияние на процедуру расследования сохраняется по ходу всего сокращенного дознания. Каждый из них в любой момент может «положить конец» этой форме расследования своим волеизъявлением. «Подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или его представитель, — гласит ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ, — вправе заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Такое ходатайство подлежит удовлетворению лицом, в производстве которого находится уголовное дело». И ладно, подозреваемому или обвиняемому есть резон «держаться» за эту форму расследования, потому как на выходе максимально возможный срок или размер наказания должен быть сокращен наполовину. А в чем смысл ратовать за сокращенное дознание потерпевшему? Только в том, чтобы скорее вступил в силу приговор суда? Не велика радость, да и надежда эта весьма призрачна, поскольку, попадая в суд, дело проходит все обычные для любого уголовного дела стадии после вынесения приговора. Вот и получается, заинтересованности у потерпевшего в сокращенной форме дознания никакой нет. Наоборот, фактор снижения наполовину предстоящего наказания «его обидчику» больше формирует неприятие этой формы расследования, но, тем не менее, государственные должностные лица должны уговорить потерпевшего согласиться с таким производством по делу и поддерживать это желание на протяжении всего не только предварительного расследования, но и судебного разбирательства. Иначе все сначала.

Но даже если и не заявил никто ходатайство о прекращении производства в сокращенной форме дознания, вы-

¹ Там же.

полнять предписанные законом действия необходимо, формулировать обвинение по результатам этих действий нужно, ознакомить с результатами расследования указанных в законе участников процесса требуется, следовательно, для этой деятельности необходимо определенное время. Закон, как уже было сказано, устанавливает для производства всех требующихся при сокращенной форме дознания действий 15 суток. Но так ли это?

При, казалось бы, подробной регламентации определения начала и окончания срока дознания в сокращенной форме, фактически остающаяся невнятность порядка исчисления этого срока приводит к тому, что, например, обратившиеся к подсчету общего срока рассматриваемого вида дознания ученые насчитали разное количество суток, отводимых для краткой формы дознания. А. С. Александров и М. В. Лапатников пришли к выводу, что реальный срок сокращенного дознания составляет всего 9 суток, а не 15 как прописывает закон¹. В. А. Лазарева указывает на то, что этот срок может составлять не менее 24-х суток². А. В. Смирнов рассчитал, что срок предварительного расследования в этом случае легко может составить от 110 суток до 7 месяцев 20 дней³.

Обратимся к закону. Часть 1 ст. 226.6 УПК РФ устанавливает, что дознание в сокращенной форме должно быть окончено в срок, не превышающий 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Постановление о производстве дознания в сокращенной форме дознаватель должен вынести в срок не более 24 часов с момента поступления от подозреваемого ходатайства о производстве такого дознания (ч. 3 ст. 226.4

¹ Александров А. В., Лапатников М. В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. — 2013. — №4. — С. 16–17.

² Лазарева В. А. Негативные последствия грядущих изменений в процедуре дознания // Уголовный процесс. — 2012. — №8. — С. 12.

³ Смирнов А. В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. — 2013. — №6. — С. 26–27.

УПК РФ). Согласно ч. 2 ст. 226.4 УПК РФ, подозреваемый вправе заявить такое ходатайство не позднее двух суток со дня, когда ему было разъяснено право заявить ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме. А вот конкретного срока для дознавателя, указывающего, когда он должен разъяснить подозреваемому право ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме, нет. Часть 1 ст. 226.4 УПК РФ содержит лишь предписание, что дознаватель должен сделать это до начала первого допроса подозреваемого.

Ошибка авторов приведенных двух первых расчетов заключается в том, что они начинали свой отсчет с момента возбуждения уголовного дела, предполагая, видимо, что первый допрос подозреваемого должен состояться в этот же день. Тогда, конечно, дознаватель в день возбуждения дела обязан разъяснить подозреваемому право ходатайствовать о сокращенной форме дознания, максимум через два дня получить от подозреваемого такое ходатайство и еще через сутки вынести постановление о производстве дознания в сокращенной форме. Но у дознавателя нет необходимости производить допрос подозреваемого в день возбуждения уголовного дела. Лишь в случае задержания лица по подозрению в совершении преступления на основании ст. 91 УПК РФ часть 2 ст. 46 УПК РФ предписывает допросить задержанного, который в этом случае приобретает статус подозреваемого, в срок не позднее 24 часов с момента его фактического задержания. Когда лицо становится подозреваемым на основании возбуждения в отношении него уголовного дела, обязанности допрашивать его в этот же день, нет. Следовательно, обязать себя производить расследование в сокращенной форме дознания дознаватель может в удобное для него время, когда посчитает нужным первый раз допросить привлекаемое лицо в качестве подозреваемого. Получается прав А. В. Смирнов, который указывает, что до момента принятия решения о переходе к сокращенной форме дознания

может пройти, во-первых, срок доследственной проверки в стадии возбуждения дела, который максимально достигает 30 суток. Во-вторых, если случится так, что решение о сокращенной форме дознания принимается в конце срока общего дознания — почти весь его срок, который может составлять по общему правилу 30 суток, с продлениями — 60 суток, а в отдельных случаях и 6 месяцев. Затем к этому сроку может добавляться еще 15 суток сокращенного дознания, которое может быть продлено и до 20 суток. «Таким образом, — заключает А. В. Смирнов, — «умелое» использование норм УПК РФ о сокращенной форме дознания может привести к тому, что срок предварительного расследования легко может составить от 110 суток до 7 месяцев 20 дней»¹. То есть «благое намерение законодателя сэкономить время на производстве расследования может оказаться эфемерным начинанием»².

Во избежание описанной возможности удлинения срока сокращенного дознания представляется целесообразным законодательно установить срок производства первого допроса подозреваемого после возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Либо определить максимально допустимый срок дознания при принятии решения о его производстве в сокращенной форме, который при всех условиях не мог бы превышать, допустим, 20 суток со дня возбуждения уголовного дела.

Думается, что только при таких условиях удастся сохранить сокращенные сроки производства расследования. Однако порядок доказывания в эти сокращенные сроки не должен подменяться непроцессуальной деятельностью с приданием ее результатам доказательственной силы. Процедура доказывания требует дополнительной проработки и нового закрепления в УПК, потому как ускорение процесса за счет искоренения необходимости доказывания лишает граждан гарантий объ-

¹ Смирнов А. В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. — 2013. — №6. — С. 26–27.

² Смирнов А. В. Указ. соч. — С. 26.

ективного, полного и всестороннего как расследования, так и судебного рассмотрения уголовного дела.

Другим авторам указанные и некоторые другие недостатки дознания в сокращенной форме, дают основание призывать к исключению данного вида досудебного производства из уголовно-процессуального законодательства или, по крайней мере, усомниться в его целесообразности¹.

¹ См., например: Алексеев И. М. Анализ предложений МВД России о новом особом порядке досудебного производства // Уголовный процесс. — 2015. — №9. — С. 24–30; Аристархов А. Трудности применения института дознания в сокращенной форме // Законность. — 2016. — №12. — С. 58–61; Белавин А. А., Бочинин С. А. Проблемы сокращенной формы дознания // Российский следователь. — 2016. — №13. — С. 12–17; Белкин А. Р. Дознание в упрощенной форме: сомнительная схема с усеченным доказыванием // Уголовное судопроизводство. — 2016. — №4. — С. 16–25; Кененбаев Е. А. Протокольная форма в досудебном уголовном судопроизводстве: перспективы применения в России // Уголовный процесс. — 2018. — №1. — С. 88–92; Корякин В. А. Имитация действия презумпции невиновности при производстве дознания в сокращенной форме // Российский следователь. — 2015. — №9. — С. 37–40; Лазарева В., Ярыгина Л. Полицейское дознание как базовая модель упрощенного досудебного производства // Уголовное право. — 2016. — №4. — С. 100–109; Сумин А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. — 2013. — №10. — С. 5–8; Хисматуллин И. Г. Проблемные вопросы сокращенной формы дознания // Российская юстиция. — 2016. — №3. — С. 59–61 и др.

§3. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫПОЛНЕНИЯ ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Включение в данное пособие параграфа о проблемах выполнения органами дознания неотложных следственных действий, несмотря на то, что эта деятельность в содержание современного дознания не входит, объясняется тем, что такая деятельность по-прежнему тесно связана с дознанием, чаще всего выполняется теми же субъектами, которые расследуют дела своей подследственности в форме дознания — дознавателями, но и официально выполнение неотложных следственных действий является одной из процессуальных функций органов дознания.

Процессуальная деятельность органа дознания по делам, требующим производства предварительного следствия, включает в себя следующие элементы:

- прием заявлений и сообщений о преступлениях;
- непосредственное обнаружение органом дознания в ходе профессиональной деятельности признаков преступлений;
- проведение проверки поступившей информации;
- возбуждение уголовного дела;
- производство неотложных следственных действий по установлению и закреплению следов преступления;
- направление дела по подследственности в соответствующее следственное подразделение.

Согласно УПК РФ при выявлении органом дознания в процессе своей основной деятельности признаков преступления, по которому предварительное следствие является обязательным, его сотрудники вправе возбудить такое уголовное дело и выполнить по нему неотложные следственные действия. «При наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, — гласит ч. 1 ст. 157 УПК РФ, — орган дознания в порядке, установленном ст. 146 настоящего Кодекса, возбуждает уголовное дело и производит

неотложные следственные действия». Согласно последующим предписаниям настоящей нормы эти действия должны быть завершены в срок не более 10 суток, после чего уголовное дело подлежит передаче соответствующему руководителю следственного органа и дальнейшие действия по нему, (как процессуальные, так и оперативно-розыскные), орган дознания может производить только по поручению следователя.

Именно с этими предписаниями закона и связывается в основном современный институт неотложных следственных действий в уголовном процессе.

Вспомним, что в привычном для современного правоприменителя виде этот институт зародился в период Судебной реформы 1864 года, перед которой дознание понималось как сугубо административная деятельность в основном чинов полиции по проверке сообщений о происшествиях. Попытка выйти за сугубо административные рамки деятельности в ходе дознания, придать результатам этой деятельности юридическое значение и в то же время очертить круг допускаемых процессуальных действий, предпринимается в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года (УУС). Статья 258 УУС предписывала: «В тех случаях, когда полицией застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное деяние, а также когда до прибытия на место происшествия судебного следователя следы преступления могли бы изгладиться, полиция заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как-то: в осмотрах, в освидетельствованиях, обысках и выемках; но формальных допросов ни обвиняемым, ни свидетелям полиция не делает, разве бы кто-либо из них оказался тяжело больным, и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя»¹.

Обратим внимание на причину разрешаемых органам дознания действий по делам «не своей компетенции».

¹ См.: Российское законодательство X–XX веков. — М.: Юрид. литература, 1984. — Т. 8. — С. 355.

По Уставу уголовного судопроизводства 1864 года это случаи, когда полицией застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное деяние, а также когда до прибытия на место происшествия судебного следователя следы преступления могут изгладиться. Производство допросов обвиняемых и свидетелей становилось возможным только в случаях, когда «кто-либо из них оказался тяжело больным, и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя».

В статье 119 УПК РСФСР 1960 г. «Деятельность органов дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно» причину можно увидеть в предписании о том, что неотложные следственные действия осуществляются для установления и закрепления следов преступления (ч. 1 ст. 119).

Статья 157 действующего УПК РФ уже никак не оговаривает причину разрешения производства таких действий органам дознания. В ней просто указывается, что при наличии признаков «не своего преступления» орган дознания возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия.

Помогает уяснить современную природу неотложных следственных действий п. 19 ст. 5 УПК РФ, где сказано, что это действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

Разъяснения учебной и специальной литературы также указывают на то, что сущность их производства и сейчас остается прежней, практически такой же, какая была для них определена Уставом уголовного судопроизводства.

Например, авторы одного из учебников по уголовному процессу отмечают, что органу дознания такое право предоставляется тогда, когда «определенные обстоятельства свиде-

тельствуют о необходимости безотлагательно зафиксировать следы преступления и обеспечить получение необходимых доказательств»¹.

В комментарии к УПК РФ неотложные следственные действия раскрываются как действия, которые не терпят отлагательства. «Промедление с их производством, — подчеркивают авторы комментария, — может привести к утрате доказательств, либо затруднит их закрепление, изъятие и исследование, либо даст возможность лицу, совершившему преступление, скрыться от органов предварительного расследования и суда»².

Но раз цель такого дозволения заключается в обнаружении и фиксации следов преступления, установлении доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования, воспрепятствовании лицу, совершившему преступление, скрыться от органов предварительного расследования и суда, то любой орган дознания, выявив в процессе своей основной деятельности признаки преступления, по которому следствие обязательно, должен иметь возможность произвести все необходимые в конкретной ситуации действия, не дожидаясь прибытия на место происшествия следователя соответствующего ведомства.

Это логично, ради этого такое допущение и было сделано еще в 1864 году. Однако в соответствии с действующим УПК РФ это не так.

Не может любой правоохранительный орган, являющийся органом дознания, даже при острой необходимости незамедлительного производства каких бы то ни было процессуальных действий их выполнить. Запрет этот наложен ч. 2 ст. 157 УПК РФ, которая ограничивает производство неотложных след-

¹ Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс: Учебник. — М.: Эксмо, 2005. С. 377.

² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. В. Мозякова. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Экзамен XXI, 2002. — С. 363.

ственных действий указанием конкретным органам дознания на конкретные преступления, только по которым им и разрешается их производить. Отсюда следует, что, если, например, на таможенном посту случится убийство, грабеж, причинение средней тяжести или тяжкого вреда здоровью, то присутствующие на месте преступления сотрудники таможенного органа, являющегося органом дознания, возбудить уголовное дело и выполнить по нему неотложные следственные действия не смогут. Согласно п. 3 ч. 2 ст. 157 УПК РФ таможенные органы вправе произвести такие действия только по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в сфере таможенного дела.

Не могут в подобных ситуациях производить действия, направленные на обнаружение и фиксацию следов преступления, на установление доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования (п. 19 ст. 5 УПК РФ), также органы Федеральной службы безопасности, начальники органов военной полиции Вооруженных сил РФ, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов, поскольку ч. 2 ст. 157 УПК РФ ограничивает их полномочия указанием на конкретные или преступления, или условия, лишь при наличии которых они вправе произвести неотложные следственные действия.

Кроме того, в п. 1 ч. 2 ст. 157 УПК РФ со ссылкой на п. 1 ч. 3 ст. 151 УПК право производить неотложные следственные действия предоставляется не сотрудникам органов внутренних дел РФ, а только дознавателям этих органов. Но ведь дознаватели названных органов, также как и следователи, располагаются, как правило, в одном и том же месте — по месту нахождения отдела внутренних дел. И если принимать неотложные меры по факту совершенного или совершаемого преступления, то это с одинаковым успехом могут делать как дознаватели, так и следователи. На месте предполагаемого преступления чаще всего первыми оказываются как раз таки не дознаватели, а сотрудники других подразделений органов внутренних дел — участковые уполномоченные, оперуполномоченные уголовно-

го розыска, сотрудники патрульно-постовой службы и т. п., но им, получается, производить неотложные следственные действия нельзя. Нужно ждать, когда на место происшествия придет дознаватель. А если все равно приходится ждать приезда уполномоченного субъекта, то почему дознавателя, а не сразу следователя. Ведь их приезд займет одинаковое время. То есть выходит, что востребованность неотложных следственных действий остается лишь в случае, если на место совершения преступления прибыл дознаватель, где выяснилось, что преступление является подследственностью следователя. Тогда он и действует в соответствии со ст. 157 УПК РФ. Однако такая ситуация свидетельствует лишь о плохой организации реагирования на совершаемые общественно опасные деяния, а не об оперативности принимаемых мер.

Таким образом, институт неотложных следственных действий в современной его регламентации не отвечает сущности этих действий, поскольку не позволяет в подавляющем большинстве случаев сотрудникам органов дознания, выявившим или первыми оказавшимся на месте преступления, производить действия, направленные на обнаружение и фиксацию следов преступления, на установление доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. Следовательно, регламент их производства должен быть изменен. Из сказанного вытекает, что отмеченные рассогласования могут быть устранены исключением из ст. 157 УПК РФ части второй, которая и вносит названные ограничения на производство неотложных следственных действий.

В то же время не следует забывать, что о неотложных следственных действиях речь еще идет в ч. 5 ст. 152 УПК РФ. «Следователь, дознаватель, — закреплено в ней, — установив, что уголовное дело ему не подследственно, производит неотложные следственные действия, после чего следователь передает уголовное дело руководителю следственного органа, а дознаватель — прокурору для направления по подследственности». Данная норма расширяет и круг субъектов, уполномоченных

производить неотложные следственные действия, поскольку добавляет в их число дознавателя и следователя, и категорию уголовных дел, по которым такие действия допускаются, поскольку это и дела, требующие предварительного следствия и расследуемые следователями, и дела, по которым следствие не обязательно, расследуемые как следователями, так и дознавателями до их передачи в соответствующий орган предварительного расследования. То есть ч. 5 ст. 152 УПК распространяет возможность производства неотложных следственных действий на любые дела, а не только на дела, по которым обязательно производство предварительного следствия в случае их возбуждения органом дознания. Другими словами, если следователь при органах внутренних дел возбудил уголовное дело и в ходе расследования выявил признаки убийства, дела по факту которых подследственны следователям Следственного комитета РФ, то он должен выполнить по этому делу неотложные следственные действия и передать его для дальнейшего расследования следователю Следственного комитета. Таким же образом закон обязывает поступать и дознавателей в случае выявления в процессе дознания признаков преступления, дела по которым относятся к компетенции другого органа дознания.

С учетом сказанного нельзя признать правильным определение неотложных следственных действий, данное в п. 19 ст. 5 УПК РФ.

Указывая на это, С. А. Фомин, например, неотложными следственными действиями предлагает именовать действия, осуществляемые дознавателем, следователем в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования¹. Представляется, что приведенное определе-

¹ Фомин С. А. Актуальные проблемы производства неотложных следственных действий // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием/под общ. и науч. ред. О. В. Гладышевой, В. А. Семенцова. — Краснодар: Просвещение-Юг, 2016. — С. 240.

ние учитывает расширенный перечень уполномоченных субъектов, но не позволяет отличить обычную деятельность следователя и дознавателя по расследуемым ими делам своей последственности от действий, именуемых неотложными, потому как нет указания на то, что неотложными они становятся, когда дело подлежит передаче другому органу расследования (следователю, дознавателю). Поэтому более удачным следует признать определение неотложных следственных действий, даваемое М. А. Бородкиным, которое содержит дополнение о том, что это действия органа дознания, следователя и дознавателя по уголовным делам, которые им не подследственны¹.

Думается, что изложенный подход к сущности рассматриваемых действий снимет ограничения на их производство именно тем уполномоченным субъектом, который оказался в обстоятельствах, свидетельствующих о необходимости безотлагательно зафиксировать следы преступления и обеспечить получение необходимых доказательств.

Продолжая рассматривать, в первую очередь, предназначение этой деятельности, обратим внимание на несоответствие закрепляемой сущности исследуемых действий их содержанию.

Так, А. Кругликов, проанализировав практику деятельности органов дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно, замечает, что наряду с сугубо следственными в понимании законодателя действиями, органы дознания при этом производят задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, применяют другие меры процессуального принуждения — привод, наложение ареста на имущество, выносят постановления, обеспечивающие проведение освидетельствования, обыска, выемки и выполняют некоторые другие процессуальные действия. «Поэтому, — за-

¹ Бородкин М. А. Неотложные следственные действия: проблемные вопросы законодательной регламентации // Оптимизация предварительного следствия: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 19 мая 2016 года) / Под общ. ред. А. И. Бастрыкина. — М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. — С. 62.

ключает А. Кругликов, — будет точнее говорить не о неотложных следственных действиях органов дознания по делам, по которым обязательно производство предварительного следствия, а о неотложных процессуальных действиях названных органов»¹.

Отсюда беспочвенным становится спор об отсутствии в законе системы неотложных следственных действий, критериев отнесения тех или иных действий к неотложным. В литературе развернулось разностороннее обсуждение их понятия, оснований осуществления, целей, условий и сроков проведения, а также конкретного перечня, составляющего систему неотложных следственных действий².

Представляется, что данная проблема надуманна. Ведь при действии предыдущего УПК РСФСР, строго установленный перечень неотложных следственных действий обоснованно рассматривался как препятствие для незамедлительного закрепления обнаруженных следов преступления и доказательств, их изъятия и исследования. Ученые и практические работники добивались исключения из УПК закрытого перечня действий, относимых законодателем к неотложным, дабы

¹ Кругликов А. Начало предварительного следствия органом дознания как форма его взаимодействия со следователем // Уголовное право. — 2005. — №3. — С. 87–88.

² См., например: Уголовный процесс: Учебник / Под ред. С. А. Колосовича, Е. А. Зайцевой. — М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003. — С. 257; Абесалашвили М. З. Подозреваемый как участник уголовного процесса. Дисс. ... канд. юрид. наук. — Майкоп, 2005. — С. 110; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Л. Н. Башкатов и др. — М.: Проспект, 2006. — С. 340; Романюк В. В. Особенности допроса отдельных участников уголовного судопроизводства при расследовании организации преступного сообщества // Российский следователь. — 2006. — №10. — С. 2; Супрун С. Понятие и система неотложных следственных действий // Уголовное право. — 2007. — №4. — С. 99; Савельев Ю. О своевременности проведения неотложных следственных действий // Закон и право. — 2007. — №7. — С. 85; Вандышев В., Малинин В., Александрова О. Соотношение понятий «неотложные» и «первоначальные» следственные действия // Уголовное право. — 2012. — №4. — С. 63–71.

повысить эффективность первичного этапа расследования¹. И вот, когда это случилось, появляется хор голосов, недовольный теперь уже тем, что ограничения сняты.

При нецелесообразности закрепления перечня неотложных как следственных, так и в целом процессуальных действий, на наш взгляд, теряет смысл указание на неотложность производимых действий. Неотложными становятся все те процессуальные действия, которые диктуются условиями производства на первоначальном этапе расследования возбужденного уголовного дела. Думается, что в этом случае более эффективным окажется закрепление в законе тех конкретных процессуальных действий, которые при рассматриваемых обстоятельствах не допускается выполнять органам дознания. Термин «неотложные» в этом случае можно заменить на «необходимые» процессуальные действия, что будет означать возможность выполнения любых вызываемых обстановкой процессуальных действий, за исключением тех, которые будут запрещены в УПК. Естественно, что в число запретных, как минимум, должны попасть действия, связанные с вынесением и предъявлением постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, допросом обвиняемого и т. п.

Рассматривая правовую природу действующего института неотложных следственных действий, А. Кругликов приходит, по нашему мнению, к абсолютно правильному выводу о том, что исследуемые полномочия органа дознания являются не чем иным, как предварительным следствием на первоначальном его этапе. «Данный вывод вытекает из того обстоятельства, — аргументирует он, — что неотложные следственные действия производятся по делам, по которым предварительное следствие обязательно. Термин «обязательно» означает:

¹ См., например: Булатов Б. Б. Проблемы реализации уголовно-процессуальной функции милицией // Закон РСФСР «О милиции» и совершенствование оперативно — служебной деятельности милиции республики. — Омск, 1994. — С. 28.

«в обязательном порядке», «во что бы то ни стало», «любыми средствами» и т. п. Следовательно, раз производство предварительного следствия «обязательно», то в определенных законом случаях оно начинается органом дознания посредством производства неотложных следственных действий, по выполнению которых дело направляется прокурору, а затем и соответствующему следователю для продолжения производства по нему предварительного следствия»¹.

В связи с изложенным текст п. 3 ст. 149 УПК РФ, регламентирующей движение уголовного дела после его возбуждения, предпочтительнее, как думается, изложить в такой редакции: «Орган дознания начинает предварительное следствие посредством производства необходимых процессуальных действий, за исключением предусмотренных в настоящем Кодексе, после выполнения которых направляет уголовное дело соответствующему руководителю следственного органа, а по уголовным делам, указанным в части третьей статьи 150 настоящего Кодекса, производит дознание».

Процессуальные действия, которые на этом этапе не допускаются, следует закрепить в ст. 157 УПК, изменив ее название на следующее: «Производство необходимых процессуальных действий», изложив по-новому с учетом отмеченных здесь несоответствий и ее содержание.

Такой подход к юридической природе нынешнего института неотложных следственных действий позволит снять неопределенность с сущности этих действий, исключить стремление считать их смыслом дознания или хотя бы одной из его разновидностей. Предлагаемые изменения будут отвечать фактическому назначению этой процессуальной функции.

К сожалению, на этом недочеты в регламенте производства неотложных следственных действий не заканчиваются. В литературе отмечаются и другие многочисленные пробелы в современном порядке выполнения неотложных следственных

¹ Кругликов А. Указ. раб. — С. 87.

действий¹. Если остановиться на действующей процедуре их осуществления, не возвращаясь к предложенным желаемым изменениям самой правовой природы этого института, то внимание следует обратить на такие моменты.

Проверка информации о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела согласно законодательству завершается принятием одного из трех решений: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о направлении заявления или сообщения по подследственности или подсудности. Соотношение этих полномочий и положений статьи 157 УПК РФ выявляет еще одну проблему рассматриваемого института.

Возникает вопрос, правомерно ли принятие органом дознания решения об отказе в возбуждении уголовного дела, по

¹ См., например: Марков А. Я. Дознание по делам о преступлениях, подследственных следователям. М., 1995; Сопнева Е. В. О неотложных следственных действиях в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. — 2008. — №3; Оролбаев М. П. Производство органом дознания неотложных следственных действий по делам, по которым производство предварительного следствия необязательно // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2006. — №3. — С. 200–203; Супрун С. Понятие и система неотложных следственных действий // Уголовное право. — 2007. — №4. — С. 99; Савельев Ю. О своевременности проведения неотложных следственных действий // Закон и право. — 2007. — №7. — С. 85; Вандышев В., Калинин В., Александрова О. Соотношение понятий «неотложные» и «первоначальные» следственные действия // Уголовное право. — 2012. — №4. — С. 63–71; Кругликов А. Начало предварительного следствия органом дознания как форма его взаимодействия со следователем // Уголовное право. — 2005. — №3. — С. 87–88; Семенцов В. А. Производство неотложных следственных действий / В кн: Гладышева В. А., Семенцов В. А. Уголовно-процессуальное право. Общая часть и досудебное производство: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2013. — С. 191 и др.; Внуков А. В. Понятие неотложных следственных действий в современном уголовном процессе // Юридическая наука: история и современность. — 2013. — №9. — С. 107–109; Подопригора А. А. Вопросы досудебного производства по уголовным делам, отнесенным к компетенции таможенных органов // Особенности государственного регулирования внешнеторговой деятельности в современных условиях: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 16–17 ноября 2017 г.). В 2 ч. — Ч. II. — Ростов н/Д: Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2017. — С. 144–149 и др.

которому обязательно производство предварительного следствия, или же орган дознания обязан направить такое заявление или сообщение в порядке ст. 145 УПК РФ для принятия решения по подследственности в следственное подразделение? Среди практических работников отсутствует единство во взглядах на эту ситуацию. Исследование отказных материалов показало, что отказ в возбуждении уголовного дела по преступлениям, подследственным следователям, вынесенный должностными лицами органа дознания, достаточно распространен.

С одной стороны, ст. 148 УПК РФ, раскрывающая общий порядок принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела, наделяет орган дознания правомочием отказать в возбуждении уголовного дела в случае отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела, а равно при наличии обстоятельств, исключающих производство по делу. С другой стороны, в ст. 157 УПК РФ никак не оговаривается возможность отказа в возбуждении уголовного дела органом дознания по рассматриваемой категории уголовных дел. Поэтому, как представляется, этот вопрос нуждается в законодательном урегулировании.

Следующая проблема вытекает из предписания норм, закрепленных в ст. 157 и 146 УПК РФ, обязывающих уполномоченных должностных лиц немедленно уведомлять прокурора об обнаруженном преступлении и начатом производстве по делу. При этом обращает на себя внимание такой факт. Часть 1 ст. 146 УПК РФ наделяет правом возбуждения уголовного дела орган дознания, дознавателя, руководителя следственного органа и следователя. А когда в части 4 этой же статьи речь идет об обязанности направления копии постановления о возбуждении уголовного дела прокурору, то орган дознания в перечне обязанных на уведомление субъектов уже не упоминается.

Кроме того, правом на возбуждение уголовного дела обладает и начальник подразделения дознания, что следует из ч. 2 ст. 40–1 УПК РФ, однако в ст. 146 УПК, регламентирующей по-

рядок возбуждения уголовного дела, такой участник уголовного процесса не называется.

Возвращаясь к предписанию закона об обязанности уведомления прокурора о начатом производстве по делу, хотелось бы отметить, что, устанавливая порядок возбуждения органом дознания уголовного дела о преступлении не своей подследственности, законодатель несправедливо «забыл» о необходимости немедленного уведомления также и следователя. Следователь вправе в любой момент приступить к предварительному следствию по этой категории уголовных дел, не дожидаясь выполнения органом дознания неотложных следственных действий, и для реализации этого полномочия следователю не требуется ни указания прокурора, ни указания руководителя следственного органа. Несвоевременное уведомление следователя о начатом производстве по делу (как правило, он узнает об этом одновременно с поступлением уголовного дела в следственное отделение по мере выполнения органом дознания неотложных следственных действий) ведет к неподготовленности следователя и нарушению преемственности в проведении следственных действий. Необходимость уведомления следователя о начале производства неотложных следственных действий аргументировалась ранее, например, такими юристами, как А. А. Чувилев и А. Я. Марков¹. Полагаем, что с учетом современного распределения полномочий между участниками данного этапа производства по делу такое уведомление должно быть адресовано руководителю следственного органа. Но оно по-прежнему необходимо и обязанность его направления требуется закрепить на законодательном уровне.

Еще на одну несогласованность норм УПК, регламентирующих порядок выполнения неотложных следственных действий, результатом которой вполне может стать признание полученных доказательств недопустимыми, указывает Е. В. Сопнева. «В

¹ Чувилев А. А. Дознание в органах внутренних дел. — М., 1986. — С. 9; Марков А. Я. Дознание по делам о преступлениях, подследственных следователям. — М., 1995. — С. 5.

соответствии со ст. ст. 86, 87, 88 УПК РФ, — замечает она, — соби-
рание доказательств, их проверка и оценка при проведении
следственных действий осуществляется дознавателем, следо-
вателем, прокурором и судом. Субъектом же проведения неот-
ложных следственных действий согласно ст. 157 УПК РФ явля-
ется орган дознания... В таких случаях нарушение требований
Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации
при получении доказательств влечет появление недопустимых
доказательств, что предусмотрено в п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ»¹.
То есть речь идет о получении доказательств неуполномочен-
ным на проведение следственных действий субъектом. Налицо
явные противоречия в закреплении одной и той же процедуры
собираания, проверки и оценки доказательств, которые требу-
ют более четкой и согласованной регламентации.

Интересным в связи с исследуемым институтом представ-
ляется наблюдение М. П. Оролбаева, открывающее очередную
проблему рассматриваемого процессуального полномочия. Он
замечает, что поскольку производство неотложных следствен-
ных действий дознанием более не является, то на субъекта
их выполнения не распространяется запрет одновременного
осуществления по делу и оперативно-розыскных мероприя-
тий. «Характерно, — пишет он, — что часть 2 ст. 41 УПК РФ
запрещает возложение полномочий по проведению дознания
на то лицо, которое проводило или проводит по данному уго-
ловному делу оперативно-розыскные мероприятия, и ничего
не говорит об ограничении в подобных полномочиях лица,
выполняющего неотложные следственные действия. Следова-
тельно, на должностное лицо органа дознания в этом случае не
распространяется требование ч. 2 ст. 41 УПК. Ему не запреще-
но проводить по делу оперативно-розыскные мероприятия»².

¹ Сопнева Е. В. О неотложных следственных действиях в уголовном
процессе // Уголовное судопроизводство. — 2008. — №3. — С. 30.

² Оролбаев М. П. Производство органом дознания неотложных след-
ственных действий по делам, по которым производство предвари-
тельного следствия необязательно // «Черные дыры» в российском законо-
дательстве. — 2006. — №3. — С. 200, 203.

Вывод, получается, правильный. Но, так как такое положение закона допускает смешение двух разных функций, от чего УПК предостерегает в других случаях, оно также должно быть исправлено.

Таким образом, если терминологические изменения законодательства в части производства неотложных следственных действий лишь желательны и их игнорирование не повлечет особо пагубных последствий для правоприменения, то отрицание необходимости исключения из закона других отмеченных несоответствий отрицательно скажется на результатах выполняемых соответствующими субъектами действий. Радеющим за качество расследования любых преступлений остается надеяться на вдумчивость законодателя и своевременное признание им своих недоработок.

Заключение

Проведенное исследование организации расследования преступлений в форме дознания позволяет говорить о том, что изначально возникшее как непроцессуальная проверочная деятельность сообщений о происшествиях, дознание впоследствии приобрело полностью процессуальную сущность. Развитие этой формы досудебного производства по уголовным делам в советский и постсоветский период привело к стиранию граней между дознанием и второй разновидностью расследования — предварительным следствием.

Эксперименты законодателя с конструированием процессуального режима дознания при обновлении уголовно-процессуального законодательства в начале XXI века обернулись провалом, выразившимся в том, что следственный аппарат, в противоположность задуманному, оказался загружен, если не сказать «завален» делами о преступлениях небольшой и средней тяжести. В связи с этим снизились эффективность и качество расследования, значительно увеличилось количество нераскрытых преступлений. Сложившаяся ситуация вынудила законодателя вновь менять порядок осуществления дознания, что и привело в настоящее время лишь к формальному существованию двух форм предварительного расследования. Практически процессуальная процедура расследования преступлений превратилась в одну, не считая вновь изобретенную форму сокращенного дознания.

При этом, если гарантии процессуальной независимости следователя худо или бедно пытаются по-новому оговорить в УПК, то положение дознавателя продолжает усугубляться его «закабалением» путем предоставления руководящих полномочий все новым и новым начальникам над ним. То обстоятельство, что дознаватель выполняет точно такую же функцию в уголовном процессе, как и следователь, законодателем во внимание не принимается. Административная и процессуальная зависимость дознавателя от прокурора, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания не может способствовать объективности расследования, что признавалось по отношению к следователю при его зависимости и от меньшего числа административно-процессуальных руководителей: прокурора и начальника следственного отдела. Причем следователь не обязывался, как дознаватель до сих пор, согласовывать или утверждать свои решения по делу у своего начальника. Сегодня вполне можно констатировать, что следователь и дознаватель выполняют одну и ту же работу, но дознаватель вынужден осуществлять ее в порочных с процессуальной точки зрения условиях. Нужно ли сохранять тогда такой вид производства по уголовным делам? Вопрос подсказывает отрицательный ответ.

Публикации последнего времени, действия законодателя дают основание полагать, что все к этому и идет. С новой силой прогнозируемое создание единого следственного аппарата должно снять этот вопрос. Но с нашей точки зрения такое развитие событий не должно «поставить крест» на дознании. Именно с созданием единого следственного аппарата необходимо вернуться к исконному понятию дознания и вернуть ему то содержание, которое и составляет его суть: являться административной деятельностью, допускающей производство и оперативно-розыскных мероприятий по проверке заявлений и сообщений об общественно опасных происшествиях.

Перенесение порядка проверки такой информации в административное законодательство не ухудшит качество этой

проверки. Фактически по действующему законодательству она проводится в том же административном порядке, именуемом процессуальным только из-за закрепления ее регламента в Уголовно-процессуальном кодексе. Наоборот, конструирование по — новому процедуры первоначальной проверки сообщений о происшествиях с учетом имеющихся предложений, в том числе и в данной работе, ее проведение сотрудниками не одного и того же ведомства, в котором затем, как правило, осуществляется расследование возбужденного по результатам проверки дела, а должностными лицами органа дознания, знающими, что материалы проверки подлежат направлению в самостоятельную следственную структуру, будет способствовать повышению качества ее осуществления.

При таком подходе производство в упрощенной (ускоренной) форме досудебной подготовки материалов, предлагаемое ВНИИ МВД РФ, целесообразно, как нам кажется, поручить также следователям. Закрепление этого полномочия за органами дознания приведет к сохранению за ними процессуальной функции, которую они вновь вынуждены будут осуществлять не самостоятельно, а под административным прессом своих многочисленных руководителей. В этом случае по-прежнему остается возможным смешение негласной оперативно-розыскной и гласной процессуальной деятельности. Кроме того, законодательное закрепление предполагаемого порядка передачи дела для производства предварительного следствия в случае несоблюдения или отпадения условий, необходимых для сокращенного производства, может возродить ситуацию передачи в следствие не расследованных дел, как это имело место при недавнем (до июня 2007 года) регламенте дознания.

Следовательно, в видимом нам варианте построения досудебного производства, дознание занимает место в допроцессуальной деятельности по ставшему известным происшествию. При подтверждении в ходе проверочной деятельности (дознания) наличия в происшествии признаков состава преступления, дознание должно завершаться направлением мате-

риалов проверки по подследственности, т. е. следователю для производства предварительного следствия, которое должно включать в себя и производство в упрощенной (ускоренной) форме.

Наделение органа дознания полномочием возбуждения уголовного дела нам представляется излишним, поскольку это непременно приведет к необоснованному возбуждению таких в силу стремления улучшить показатели работы за счет количества возбужденных уголовных дел без ответственности за конечный результат его расследования.

При отсутствии в происшествии уголовно наказуемого деяния дознаватель вправе отказать в возбуждении уголовного дела, составив соответствующий документ в административном порядке.

Право возбуждения уголовного дела и выполнения неотложных (необходимых) следственных (процессуальных) действий должно сохраниться за органом дознания лишь в исключительных случаях, которые желательно более конкретно оговорить в УПК РФ.

Таким образом, дознание в будущем, по нашему мнению, должно представлять собой предварительную проверку заявлений и сообщений об общественно опасных происшествиях, осуществляемую дознавателями уполномоченных органов в строгом соответствии с законодательством, посредством административных и оперативно-розыскных действий, направленную на установление наличия или отсутствия в происшествии признаков состава преступления с последующим принятием решения о направлении материалов проверки для производства предварительного следствия либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Использованная литература

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

1. Декрет СНК РСФСР «О суде» // История советской прокуратуры в важнейших документах. М., 1947.

2. Федеральный закон от 5 июня 2007 г. №87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 6 июня 2007 г. №90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 24 июня 2007 г. №214-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 4 марта 2013 года №23-ФЗ «О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. — 2013. — №48. — 6 марта, а также Собрание законодательства РФ. — 2013. — №9. — Ст. 875.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 августа 2013 г. №741 «О дне сотрудника органов следствия Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ЛИТЕРАТУРА

6. Абесалашвили М. З. Подозреваемый как участник уголовного процесса. Дисс. ... канд. юрид. наук. — Майкоп, 2005.
7. Александров А. В., Лапатников М. В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. — 2013. — №4. — С. 12–19.
8. Алексеев И. М. Анализ предложений МВД России о новом особом порядке досудебного производства // Уголовный процесс. — 2015. — №9. — С. 24–30.
9. Аристархов А. Трудности применения института дознания в сокращенной форме // Законность. 2016. №12. С. 58–61.
10. Асаналиев Т. К. Дознание как необходимая форма предварительного расследования в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2007. — №5. — С. 373–376.
11. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства. — СПб., 1841.
12. Безлепкин Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. — М.: ТК Велби, Проспект, 2008.
13. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России: Учеб. пособие. — М.: КНОРУС, 2006.
14. Бекетов М. Дознание: история и перспективы // Уголовное право. — 2008. — №4. — С. 67–70.
15. Белавин А. А., Бочинин С. А. Проблемы сокращенной формы дознания // Российский следователь. — 2016. — №13. — С. 12–17.
16. Белкин А. Р. Дознание в упрощенной форме: сомнительная схема с усеченным доказыванием // Уголовное судопроизводство. — 2016. — №4. — С. 16–25.
17. Бойко А. И. Репетиториум по Общей части уголовного права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.
18. Большая советская энциклопедия. — М., 1931.
19. Бородкин М. А. Неотложные следственные действия: проблемные вопросы законодательной регламентации // Оптимизация предварительного следствия: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 19 мая 2016 г.) / Под общ. ред. А. И. Бастрыкина. — М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. — С. 60–64.

20. Булатов Б. Б. Проблемы реализации уголовно-процессуальной функции милицией // Закон РСФСР «О милиции» и совершенствование оперативно-служебной деятельности милиции республики. — Омск, 1994.

21. Быков В. М. Дознание: новое в производстве. Комментарий к федеральным законам от 06.06. 2007 №90-ФЗ и от 05.06. 2007 №87-ФЗ // Уголовный процесс. — 2007. — №8. — С. 4–7.

22. Быков В. М. Уголовно-процессуальный кодекс РФ и проблемы раскрытия преступлений (полемиические заметки) // Право и политика. — 2002. — №9. — С. 66–72.

23. Вандышев В., Малинин В., Александрова О. Соотношение понятий «неотложные» и «первоначальные» следственные действия // Уголовное право. — 2012. — №4. — С. 63–71.

24. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1997.

25. Внуков А. В. Понятие неотложных следственных действий в современном уголовном процессе // Юридическая наука: история и современность. — 2013. — №9. — С. 107–109.

26. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. — М.: ТК Велби, Проспект, 2008.

27. Гаврилов Б. Я. Федеральный закон от 6 июня 2007 г. №90-ФЗ и его роль в совершенствовании организации дознания // Юридический консультант. — 2007. — №8.

28. Гирько С. И. Новеллы в уголовно-процессуальном законодательстве — продолжение реформ // Юридический консультант. — 2007. — №8. — С. 5–9.

29. Гирько С. И. Расследование преступлений в форме дознания в системе МВД России // Юридический консультант. — 2003. — №7. — С.16–20.

30. Готлиб Р. М. Прокурорский надзор за исполнением законов при производстве дознания органами милиции: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Л., 1970.

31. Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс: Учебник. — М.: Эксмо, 2005.

32. Громов В. И. Дознание и предварительное следствие: Методика расследования преступлений: Осмотр места преступления: Сб. научн. тр. — М.: ЛексЭст, 2003.

33. Гуценко К. Ф., Ковалев М. А. Правоохранительные органы. Учебник для юридических вузов и факультетов. — М.: Зерцало, 1997.

34. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1.
35. Дармаева В. Д. Следователь в уголовном судопроизводстве. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2007.
36. Деришев Ю. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России. Дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 1999.
37. Донцов А. М. Проблема соотношения дознания и предварительного следствия в советском уголовном процессе. Дис. ... канд. юрид. наук. — Л., 1970.
38. Дубинский А. Я. Исполнение процессуальных решений следователя. Правовые и организационные проблемы. — Киев, 1984.
39. Есина С. Дознание. — М.: Экзамен, 2005.
40. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Под сенью русского орла. Российские прокуроры. Вторая половина XIX — начало XX в. — М.: РОС-СПЭН, 1996.
41. Иванов В. А. Дознание в советском уголовном процессе. — Л., 1966.
42. Качалова О. В. Доказывание при сокращенной форме дознания // Уголовный процесс. — 2013. — №6. — С. 32–36.
43. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. — СПб., 1867. — Ч. 2.
44. Кененбаев Е. А. Протокольная форма в досудебном уголовном судопроизводстве: перспективы применения в России // Уголовный процесс. 2018. №1. С. 88–92.
45. Климова Г. З., Сенякин И. Н. Реабилитация как правовой институт (вопросы теории и практики). Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2005.
46. Колоколов Н. А. Укрепление власти следственной // Уголовный процесс. — 2007. — №7. — С. 40–46.
47. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. — М.: Юрист, 2002.
48. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Отв. ред. В. И. Радченко; Под ред. В. Т. Томина. — М.: Юрайт, 1999.
49. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. А. М. Рекункова, А. К. Орлова. — М.: Юрид. лит., 1985.

50. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. В. Мозякова. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Экзамен XXI, 2002.

51. Коротких М. Г., Сорокина Ю. В. Реформа следственного аппарата России в 1860–1864 гг. // Советское государство и право. — 1991. — №10. — С. 120–127.

52. Коротков А. П., Тимофеев А. В. Прокурорско-следственная практика применения УПК РФ: Комментарий. — М.: Экзамен, 2005.

53. Корякин В. А. Имитация действия презумпции невиновности при производстве дознания в сокращенной форме // Российский следователь. — 2015. — №9. — С. 37–40.

54. Кругликов А. Начало предварительного следствия органом дознания как форма его взаимодействия со следователем // Уголовное право. — 2005. — №3. — С. 86–89.

55. Лазарева В., Ярыгина Л. Полицейское дознание как базовая модель упрощенного досудебного производства // Уголовное право. — 2016. — №4. — С. 100–109.

56. Лазарева В. А. Негативные последствия грядущих изменений в процедуре дознания // Уголовный процесс. — 2012. — №8. — С. 10–17.

57. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. — М., 1970.

58. Ленин В. И. Письмо Е. Д. Стасовой и товарищам в Московской тюрьме. 19. I. 1905 // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 9. — М.: Изд-во полит. лит-ры, 1972. — С. 169–173.

59. Лукин В. М. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2004.

60. Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей. Изд. 6-е. — СПб., 1907.

61. Малофеев И. В. Сокращенная форма дознания: сложности реализации на практике // Уголовный процесс. — 2013. — №6. — С. 36–41.

62. Марков А. Я. Дознание по делам о преступлениях, подследственных следователям. — М., 1995.

63. Материалы 5-го Всероссийского съезда деятелей юстиции // История советской прокуратуры в важнейших документах. — М., 1974.

64. Мачковский Г. И. О сущности дознания и органа дознания. Проблемы предварительного следствия и дознания. — М., 1987.

65. Мичурина О. В. Процессуальные и организационные вопросы осуществления начальниками следственных изоляторов и лечебно — трудовых профилакториев функций органов дознания. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1993.

66. Монахов А. А., Серов Д. О. У истоков следственного аппарата России // материалы Международной научно-практической конференции: Сб. научных статей и публикаций. — М., 2013. — Ч. 1. — С. 286–291.

67. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1981.

68. Оролбаев М. П. Производство органом дознания неотложных следственных действий по делам, по которым производство предварительного следствия необязательно // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2006. — №3. — С. 200–203.

69. Осин В. В. О сущности дознания и органов дознания // Проблемы предварительного следствия и дознания. — М.: ВНИИ МВД СССР, 1984.

70. Павлухин Л. В. Развитие института дознания по делам, предварительное следствие по которым не обязательно: Сб. работ юрид. факультетов. — Томск, 1970.

71. Подопрigора А. А. Вопросы досудебного производства по уголовным делам, отнесенным к компетенции таможенных органов // Особенности государственного регулирования внешнеторговой деятельности в современных условиях: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 16–17 ноября 2017 г.). В 2 ч. — Ч. II. Ростов н/Д: Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2017. — С. 144–149.

72. Полное собрание Законов Российской Империи. Издание второе. — Т. 52. — №35799. — СПб., 1864.

73. Правоохранительные органы: Учебник / Под общ. ред. Н. А. Петухова и Г. И. Загорского. — М.: Изд.-торг. корп. «Дашков и Ко», 2005.

74. Ратьков А. Н. Качество законодательного регулирования производства дознания // Проблемы развития российской правовой системы: Межвузовский сборник научных трудов / Фед. аг-во по образ.; Соч. гос. ун-т туризма и курорт. дела, ин-т права. — Сочи: РИО СГУТиКД, 2006. — С. 155–159.

75. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. — СПб., 1914.

76. Российское законодательство X–XX веков. — М.: Юрид. литература, 1984. — Т. 8.

77. Савельев Ю. О своевременности проведения неотложных следственных действий // Закон и право. — 2007. — №7. — С. 83–86.
78. Савицкий В. М. Теоретическая модель нового уголовно-процессуального регулирования // Советское государство и право. — 1990. — №2. — С. 77–107.
79. Салтыков-Щедрин М. Е. Благонамеренные речи. — М.: Правда, 1984.
80. Седова Г. И., Степанов В. В. Дознание: функции и организация деятельности: Уч. по. — М.: Приор-издат, 2003.
81. Семенов В. М. Суд и правосудие в СССР. — М., 1984.
82. Семенцов В. А. Производство неотложных следственных действий/В кн: Гладышева В. А., Семенцов В. А. Уголовно-процессуальное право. Общая часть и досудебное производство: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2013.
83. Сергеев А. Б. Проблемы процессуальной деятельности органов дознания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 1999.
84. Серов Д. О. Гвардейцы-криминалисты Петра I: Из истории организации и деятельности «майорских» следственных канцелярий (1713–1723 гг.) // Ораниенбаумские чтения: Сб. научных статей и публикаций. — СПб., 2001. — Вып. 1.
85. Серов Д. О., Монахов А. А. Зарождение следственного аппарата России (1713–1717 гг.) // Вестник Следственного комитета РФ. — 2013. — №4.
86. Словарь русского языка / Под общ. ред. академика С. П. Обнорского. — М., 1953.
87. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. — СПб., 1892.
88. Смирнов А. В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. — 2013. — №6. — С. 22–30.
89. Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). — 1918. — №75. — Ст. 813.
90. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — М.: Ридерз Дайджест, 2004.
91. Соловьев А., Токарева М. Соотношение дознания и предварительного следствия по УПК РФ // Уголовное право. 2003. — №3. — С. 96–99.
92. Сопнева Е. В. О неотложных следственных действиях в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. — 2008. — №3. — С. 28–32.

93. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. — М., 1970. — Т. 2.

94. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Изд. 2-е, доп. и измен. — СПб., 1867. — Ч. 2.

95. Сумин А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. — 2013. — №10. — С. 5–8.

96. Супрун С. Понятие и система неотложных следственных действий // Уголовное право. — 2007. — №4. — С. 97–99.

97. Тертышник В. М. Уголовный процесс: Уч. пос. — Харьков: Арсис, 1997.

98. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М., 1935.

99. Трусов А. И. Проект УПК: готов ли он стать законом? // Следователь. — 1997. — №2. — С. 11–15.

100. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учеб. / Л. Н. Башкатов [и др.]; отв. ред. И. Л. Петрухин. — М.: ТК Велби, Проспект, 2006.

101. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учеб. / Отв. ред. И. Л. Петрухин. — М.: ТК Велби, Проспект, 2006.

102. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Уч. / Отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013.

103. Уголовный процесс Российской Федерации. Краткий учебник. — М.: МНЭПУ, 1995.

104. Уголовный процесс. Общая часть. Учебник для учащихся вузов. — М.: Спарк, 1997.

105. Уголовный процесс: Уч. / Под ред. С. А. Колосовича, Е. А. Зайцевой. — М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003.

106. Уголовный процесс: Уч. для вузов / Под ред. В. П. Божьева. — М.: Спарк, 2000.

107. Уголовный процесс: Уч. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В. П. Божьева. 4-е изд, перераб. и доп. — М.: Спарк, 2004.

108. Уголовный процесс: Уч. для студентов юридических вузов и факультетов. — М.: Зерцало, 1997.

109. Умаров К. У. Органы милиции — основные органы дознания. — Ташкент, 1968.

110. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. — Пг., 1915. — Т. 2.

111. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. — СПб., 1910. — Т. 2.

112. Фомин С. А. Актуальные проблемы производства неотложных следственных действий // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: Мат-лы. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / Под общ. и науч. ред. О. В. Гладышевой, В. А. Семенцова. — Краснодар: Просвещение-Юг, 2016. — С. 239–243.

113. Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: Монография. — М.: Экзамен, 2003.

114. Хисматуллин И. Г. Проблемные вопросы сокращенной формы дознания // Российская юстиция. — 2016. — №3. — С. 59–61.

115. Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие / Автор-сост. проф. Э. Ф. Куцова. — М.: Городец, 1999.

116. Цветков Ю. А. Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России // История государства и права. — 2015. — №3. — С. 33–38.

117. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. — СПб.: Равена, Альфа, 1995.

118. Чувилев А. А. Дознание в органах внутренних дел. — М., 1986.

119. Шейфер С. А. Куда движется российское судопроизводство? (Размышления по поводу векторов развития уголовно-процессуального законодательства) // Государство и право. — 2007. — №1. — С. 20–29.

120. Юридический словарь. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953.

Учебное издание

*Александр Николаевич РАТЬКОВ,
Лев Львович КОЖЕВНИКОВ*

СОВРЕМЕННОЕ ДОЗНАНИЕ
КАК ФОРМА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
Проблемные вопросы по отдельным темам курса
«Уголовно-процессуальное право»

Учебное пособие

Корректор — П. В. Багров.
Верстка издания и дизайн обложки — © Д. В. Нефедов

Отпечатано в РИК Издательства «Профпресс». Сдано в набор 18.09.2019 г.
Подписано в печать 26.11.2019 г. Формат 64х80/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Гарнитура MinionPro. Усл. печ. л. 9. Тираж 50 экз.
